

Волчий билет

Тахтаров Лев

Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»

Лев Тахтаров
Волчий билет

«Автор»

2020

Тахтаров Л.

Волчий билет / Л. Тахтаров — «Автор», 2020 — (Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»)

Это книга про лихие 90-е, история, которая происходила в каждом городе России. О дружбе. И о том, как самый обыкновенный парень, вдруг, незаметно, становится уголовным авторитетом. Как такой человек как я, стал таким человеком как я? - задает он себе вопрос.

Лев Тахтаров Волчий билет

Волчий билет.

Это книга для пацанов моего возраста. Как такой человек как я, стал таким человеком как я, задает себе вопрос автор.

1.

Хохол

Я сидел дома один, делать было нечего, и просто пялился в телевизор. Хотелось посмотреть какой-нибудь хороший фильм, но, полистав каналы, ничего не нашел. Вдруг, вспомнил об одном интересном фильме, называется «Обычные подозреваемые», я его видел уже, но сюжет был так круто закручен, что я не все понял, как так называемый Кайзер Созе все так лихо провернул. Решил пересмотреть и стал искать его в куче видеокассет. Почти все их мне купил Игорь. Было у него такое увлечение. Он любил смотреть фильмы, и мы часто заходили в видеотеку, где он спрашивал продавца, не появилось ли что-нибудь новенькое, так как все старые хорошие фильмы он уже видел. Тут ему попался на глаза какой-нибудь старый, интересный фильм, он спрашивал меня:

– О, Игореха, а ты видел «Славные парни»?

– Нет.

– Классный фильм, дайте, пожалуйста.

– А «Схватку»? С Робертом де Ниро и Аль Пачино в одном фильме?

– Нет.

– Ну ты даешь! Дайте тоже. Тебе понравится. Может ты еще «Однажды в Америке» не видел?

Вот так обычно мы и выходили – он с пустыми руками или максимум, с одной, а я штук по пять видеокассет в руках.

Так вот. Сюжет этого фильма был таков: Кевин Спейси играет роль такого скромного, якобы, калеки, волочившего ножку. Он устраивает некое преступление, грабеж склада с оружием, допустим, не помню точно.

Просто мы смотрели этот фильм в большой компании, пили, курили, короче невнимательно. Посоветовал этот фильм, как всегда, Игорь, он же Хохол.

Короче, американские копы задерживают всех, кто, по их мнению, может быть причастен к этому преступлению. В принципе, как у нас в городе, если кого убили, и ты вовремя не узнаешь и не ляжешь на дно, то задержат от суток до трех, для дачи показаний и выяснения алиби.

Ну и садят в одну хату, сорри, камеру, всех отпетых преступников в городе. Это я про фильм. Все, в принципе, знакомы, так или заочно. Только калека кажется им здесь лишним. Подходят, спрашивают, кто ты, мол, такой. Он говорит – я здесь случайно, только из-за Кайзера Созе, он для полиции неуловим, но очень интересен, а я на него работаю, только меня и смогли задержать из его людей. Тут выясняется, что все абсолютно про него слышали. Типа, очень авторитетный криминальный босс, многие про него слышали, но не видели. И все рассказывают про него такую историю:

Приходит он домой, а там какие-то дикие венгры держат его жену и ребенка, по разным версиям – детей, под стволами, и требуют от него нечто невозможное. Допустим – сдать друзей,

или друга. Тогда он достает ствол и сам убивает свою семью! Тут они понимают, что козырей у них больше нет, а он – Джокер, и переходят на сторону человека, достойного уважения.

Калека вызывает неподдельный интерес, он сначала уваливает от общения, но потом раскалывается об одном деле, которое спланировал Кайзер, очень легкое и чрезвычайно прибыльное. В принципе, на это дело нужны надежные люди, и он мог бы пойти на него с ними. Они сначала сомневаются, но понимают, что срок за такое преступление небольшой, а деньги хорошие. После дачи показаний всех отпускают, они собираются и идут на это дело. Все прошло гладко, все получают легкие деньги. Следом – еще наколка от калеки. Прошло тоже легко и выгодно, короче – покатило. Калека выросстал в главари, а Кайзер Созе – в Боги.

А смысл фильма такой, кажется, что большие люди, какие-то политики, заманили самых реальных преступников этого города на какой-то корабль, для, якобы, самого большого грабежа в их жизни, но ничего там они не нашли, только перебили неожиданно большую охрану, а на самом деле – чтобы убрать очень важного федерального свидетеля, причем, руками отпетых преступников, вся полиция их знает, трупы которых и найдет. А руки больших людей абсолютно чисты и к убийству важного свидетеля они не причастны ни коим образом. Выживает только «калека».

Когда прибывает полиция, находят кучу трупов на корабле и всего одного выжившего свидетеля. Он дает показания, что сам он член команды корабля, была большая бойня, он спрятался за бочками, и видел лишь как Кайзер Созе добил оставшихся в живых бандитов, но только со спины. Полицейский, допрашивавший его сомневается, но начальство выпускает его. Дескать, улик против него нет, время задержания истекает, а на них давят с самого верха. А на прощание этот полицейский спрашивает его:

– А почему ты не выстрелил в него?

– Как я могу стрелять в спину Дьяволу? – отвечает «калека» и уходит.

А Кайзер Созе, в этом фильме – это Богус, по-английски – то, чего нет, нечто вымышленное.

Только я начал смотреть кино, как пикнул пейджер, два слова – ХОХЛА УБИЛИ. Со всего маху швырнул пейджер в экран телевизора. Он разлетелся на куски, а экран телевизора треснул. Не хуже моего сердца.

Мне кажется, что Хохла я знал всю жизнь. Я был помладше на пару лет, и когда играл во дворе с пацанами, он уже имел там авторитет среди дворовых мальчишек. У него была компания, которой он рулил, хоть был не старше и даже меньше ростом своих друзей. Мы были мелюзгой, и они не обращали на нас внимания. Казалось, что у него всегда были деньги, как будто он родился в рубашке с карманом полным денег. Непонятно, где он их брал с самого детства. Родители его жили небогато, я часто видел их идущими с работы или еще куда, они вместе работали на местной фабрике. Жили они скромно, ни машин, ни дачи у них не было, простая двушка на втором этаже с балконом, засаженным цветами. Можно было квартиру их легко найти, если сказать – выбери самый красивый балкон, не промахнешься. Но я часто видел, как Игорь, так его звали, покупает своей ватаге кучу мороженого или газировки, тогда как мы могли только у родителей кланчить на мороженое. Мы только посматривали, завидуя и мечтая попасть в эту компанию, но это было нереально. Поговаривали, что они воровали где-то, хотя ни разу я не помню, чтобы у него были неприятности с милицией.

Первый раз он заговорил со мной уже после армии. Он служил где-то, я даже не знаю где, но в каких-то спецвойсках или в роте разведки, что-то вроде этого, я слышал, хоть он и не любил рассказывать об этом. А я задержался в дисбате, немного не дослужив срочную службу. Подошел он ко мне, как раз в тот момент, когда я сидел первые дни после службы, на лавочке возле подъезда и думал – что мне делать, куда податься в этом новом мире для меня – Перестройка.

– Я помню, ты неплохо играл в футбол, в нашем дворе, – сказал он легко и непринужденно, даже не поздоровавшись, как будто мы старые приятели и сидим на лавочке и болтаем.

– Так, когда это было, – ответил я в тон ему, как старому другу, – Разучился, поди, давно не пинал.

– Да ладно, – широко улыбнулся он, – Мастерство не пропешь, у нас игра сегодня вечером на Динамо, составь компанию, будет весело, баня, пиво после игры, даже если проиграем, – подмигнул он, развернулся и пошел к своей вишневой девятке, не дожидаясь ответа, – Я заеду полседьмого, – добавил он на ходу, удаляясь.

Вот так и пошли наши с ним отношения всю его короткую, но насыщенную жизнь. Он просто говорил мне, что нужно делать, никогда не советуясь и быстро принимая решения, даже если это был вопрос жизни и смерти наших врагов или друзей. Меня это тоже устраивало, ведь не нужно было ломать голову, что делать, где брать деньги, как поступать в той или иной ситуации, и вообще, делай дело и гуляй смело. Даже если, вдруг, все получалось не так, как он планировал, он говорил просто, – Ну и ладно, – и шел дальше, стараясь не вспоминать больше об этом.

В тот день мы выиграли, с большим трудом, в один мяч, Игорь забил три гола и все с моих передач, я старался на него больше играть, если честно. Радовался, как ребенок, каждому голу, то кувыркался через голову, то стрелял в ворота из невидимого лука, то запрыгивал кому-нибудь на спину со словами, – Вези лучшего форварда на центр.

В бане, сразу после игры, был очень весел, постоянно шутил и подтрунивал над проигравшими. У нас была команда в основном из коммерсантов, некоторые были жирные в прямом и переносном смысле, а играли против «Филовских», все молодые подкаченные борцы с поломанными ушами. Играли всегда по пятницам и почти всегда проигрывали. Мои «коммерсы» называл Игорь свою команду и «борчики» другую. Старшим был у них Фил, спокойный, немногословный, тоже бывший борец, но не выделявшийся своими физическими данными, по сравнению с другими, спортсменами. Тем не менее имел беспрекословный авторитет и, если нужно было что-нибудь сделать, он не просил своих пацанов, а давал команду коротко и ясно, например, – Принеси арбуз, – а где ты его возьмешь зимой – твои проблемы. Я слышал про него такую историю: когда он еще занимался борьбой, в этом виде спорта было очень много кавказцев: грузины, осетины, дагестанцы, чеченцы, кого только не было, русских только было мало и их там зажимали нерусские, большинство бросали борьбу, не выдерживая давления. Тренеры все знали, но ничего не могли поделать, на ковре одно, но не ходить же за ними по раздевалкам, да по улицам. И когда Фил стал показывать неплохие результаты, а это же чье-то место в сборной, решили братья Махмудовы его выдавить из секции, а их было трое родных и еще черт его знает сколько двоюродных, короче – клан целый. Но ошиблись они с ним, порезал он троих ножом в раздевалке, еле выжили. Никто в сборную не попал, он – в тюрьму, они – в реанимацию, теперь калеки, у кого почку вырезали, у кого селезенку, а кто писает до сих пор через трубочку. Много шума тогда было в городе, русские стали объединяться, щемить кавказцев, стрельба была даже в центре, у здания суда, когда Фила судили. Короче, изменил он тогда ситуацию в борьбе, да и в городе, по национальному вопросу.

Так вот, теперь каждую пятницу Игорь заезжал за мной в полседьмого, и мы ехали на футбол. Я любил эти дни и ждал с нетерпением. Потом всегда были баня, пиво, Игорехины шуточки-прибауточки, даже если мы проигрывали, он не сильно расстраивался, но, если победа – он особенно веселился. Потом, он стал брать меня в клуб или ресторан после бани, они всегда ездили куда-нибудь продолжить банкет.

– Пятница-развратница, – говорил он. Я даже пиво перестал пить после футбола, когда понял, что так больше шансов с ними поехать, за руль посадит, кого же еще, если я один не пил сегодня в этой компании. Потом, по субботам, он стал просить меня сесть за руль. Точнее

– позвонит в дверь, я открою, скажет просто, – Поехали, – и идет в машину, ждет меня на пассажирском сиденье.

– Поехали, пожрем, – скажет, когда я сяду за руль, – Голова болит что-то после вчерашнего, пива хочу.

Я раньше не бывал в ресторанах, но с Хохлом узнал все приличные места в городе, где как кормят, появились любимые блюда, цен только не знал, он всегда за все платил, если платил вообще. Но кушали мы чаще всего не одни, всегда кто-то приезжал, причем совершенно разношерстный народ, от рабочего до депутата, от полковника милиции до уголовника любой масти. Причем, люди бывали такие важные, что я их только по телевизору видел или слышал о них, что-нибудь, типа, – Слыхали? Кабану машину вчера взорвали, он в ней был, но ему хоть бы хны, она бронированная оказалась, правда контузило, сейчас в больнице лежит под охраной.

Однажды, он позвал меня в спортзал позаниматься, почему-то утром, в одиннадцать, я, конечно, согласился. И с тех пор, почти каждый день у нас начинался со спортзала.

– Размяться нужно, перед рабочим днем, – так он говорил, – А теперь пообедаем, – после спортзала уже. Но обед наш опять превращался в какую-то аудиенцию. То Фил приедет со своими пацанами, то коммерсанты какие-нибудь, со своими проблемами, то еще кто-нибудь, с кем-нибудь, за помощью или советом. Или деньги за что-нибудь привезут.

– Это мой близкий, – так он меня представлял собеседникам, как бы сразу решая вопрос доверия во время разговора.

Только с тремя людьми он мог удалиться в банкетку, чтобы поговорить наедине, обычно в его любимом ресторане Прага, где варили неплохое пиво и были две небольшие, но уютные банкетки. Пройти в них можно было прямо из общего зала и не было черного выхода, чтобы уйти незамеченным. Его хорошо знали там, для него всегда берегли его любимый столик в углу, у окна. Он всегда садился спиной к стене, чтобы видеть весь зал, и улицу у входа, через окно. Не знаю, какие там были у них взаимоотношения, но счетов нам никогда не приносили.

Первым был начальник ОРБ, Семеныч, так Хохол его всегда называл, кажется майор или подполковник, но в форме я его никогда не видел.

– Хороший мужик, хоть и мент, – так он мне про него сказал, как-то, – Если будут проблемы с ментами, а меня не будет, можешь запросто в кабинет к нему зайти и сказать, что я разрешил обратиться. Но не по пустякам, сам понимаешь.

– Куда же ты денешься? – спросил я и попытался улыбнуться, но какая-то кривая получилась улыбка.

– Как куда? – его улыбка получилась гораздо лучше, – Мало ли миров, где человек может оказаться в любой момент.

Семеныч был выше среднего роста, видно, что когда-то физически крепкий, широкоплечий такой мужик, с квадратным подбородком, приплюснутым носом и острым взглядом. Не хотел бы я попасть к нему на допрос – первое мое впечатление было такое, прямо, Жеглов какой-то.

Но он любил выпить, и это было уже заметно по пивному животу и мешкам под глазами.

Обычно, они с Игорем недолго разговаривали в банкетке, но иногда засиживались, заказывали бутылку водки, обильную закуску и тогда вечер переставал быть томным.

– Что сидишь, заходи, – звал тогда меня Игорь, – Машину переставь лучше в соседний двор, чтобы не беспокоили.

В застолье Семеныч был очень веселым и добродушным, разговаривал запанибратски, много шутил и рассказывал всякие смешные, хоть, иногда и жуткие истории из своей работы или службы в Афганистане. Но никогда не напивался, казалось, даже совсем не пьянел, только смеялся все громче, по мере выпитого. Выпивали они всегда ровно бутылку ноль-семь на двоих и больше не заказывали, как будто соблюдали некий давний договор.

Второй – Дед, или Палыч, вообще Валерий Палыч – первый раз представил его Игорю знакомя. Худой, но жилистый, среднего роста, с короткой прической, около шестидесяти где-то лет, скромно одетый, такой «работяга», я бы назвал его, встретив на улице. Но, видимо, важный для Игоря человек, потому что с ним он был всегда серьезен, и обычно, поздоровавшись, сразу направлялся с ним в банкетку. Иногда мы встречались с ним в машине, в одном дворе, где он жил, я так понял.

– Вот этот человек, – например, говорил Дед и давал Игорю бумажку.

– Хорошо, жестко с ним? – спрашивал Игорь, пряча ее в карман.

– Если не поймет, – уже с улицы, закрывая дверь, отвечал этот странный человек, похожий на подпольного миллионера, Корейко, так я еще подумал про него, а иначе, зачем еще Игорю с ним водиться?

Третьего я назвал про себя Пит-бультерьер горный. Это был чеченец Саид, лет тридцати с лишним, выше среднего роста, очень плотный, всегда был наголо бритый, несмотря на то что вся голова его была в безобразно зашитых шрамах. Приезжал он всегда в компании своих племянников, двух или трех, повыше его ростом и еще здоровей, но они с нами не садились, только здоровались почтено и усаживались у столика на входе и пили чай или кушали, если Саид засиживался. Еще один всегда оставался в машине.

Когда здоровались, Игорь с Саидом широко очень улыбались и обнимались.

– Саид, а ты откуда взялся?

– Стреляли, – пожимая плечами отвечал Саид, так они любили здороваться.

Саид любил пить чай и кушать баранину, чаще всего под водочку. В банкетку они уходили редко и ненадолго, обычно говорили при мне. Кто кому должен, кого и когда кинули, как будем с них получать и как делить, вот их обычный разговор. Короче, я понял, впоследствии, что все кавказцы в городе ходили, ели, спали, женились и размножались только с его ведома.

– Увидишь Джавдета – не трожь, он мой, – говорил на прощанье Саид.

Хохол как-то рассказал мне, что после армии его знакомство с Саидом началось с драки в ночном клубе Торнадо. Потом помирились, долго пили за дружбу. Так много выпили, что стали друзьями. Стали вместе ходить по клубам, да ресторанам, много пили, много дрались, заслужили уважения в этой среде. А гулять деньги нужны, уважение уже имели, стали с коммерсантов получать постепенно, тем более они здесь же тусуются, деньги прожигают.

Саид, говорил Игореха, многому его научил. Например, у настоящего бродяги документы на машину должны быть полностью в порядке, аптечка, аварийный знак, огнетушитель, чтобы ни один мент по беспонту не докопался. И лопата с одеялом лежать в багажнике – а это уже чтобы закопать кого, если что. Я думаю, они и закапывали не раз.

Раньше Саид один был реальный чеченец в городе, но по мере того, как они поднимались, стал он с родины подтягивать братьев, родных да двоюродных, затем племянников, родных, и не очень. Так у них заведено, есть кусок хлеба – дай родным укусить. Ему тоже удобно, зарплату платить не надо, позаботься только о жилье и еде, а преданней людей не найдешь. Да и страха не знают эти молодые горцы, им что барана зарезать, что человека, даже не спросят, зачем. Хохлу тесно стало с ними, он и отошел от Саида. Не люблю, сказал он, когда при мне на чужом языке разговаривают. Но отношения у них остались очень дружескими.

Еще, чаще других, заезжал Саня, тренер по боксу, по кличке Силос. Странная, конечно, кличка, но это по фамилии, которую я ни разу не слышал. И сам он выглядел очень странно, для тренера. Слишком молодой и очень маленький – мухач, так они называли боксеров этой весовой категории, особенно на фоне тех, с кем он обычно подъезжал. Тех сразу было видно – высокие, с длинными руками и ногами, широкие плечи, взгляд исподлобья, подбородок поджат к груди, как будто в любой момент опасаются удара в челюсть. Саня же был добродушный, всегда улыбался, обнажая множество золотых зубов, все брови и скулы его были в небольших

шпрамах, видимо, от рассечений. Еще он любил подтрунивать над боксерами, какие они пробитые и от того тупые, хоть и был среди них номером один, такая у него была самоирония.

Если Саид был похож на бойцового пит-буля, то Саню я бы сравнил с белым бульдогом, но карликовым, если такая порода была бы. Вообще, я заметил недавно, что у меня появилась некая привычка – сравнивать человека, при первом взгляде, с какой-нибудь породой собак, произвольно. Я вообще люблю собак и всегда хотел завести, но брать в квартиру большую собаку считал нецелесообразным, а к мелким породам душа не лежала. Таких я называл кото-пёс – то есть, ни то, ни другое.

Силос заезжал, обычно, с одним или двумя-тремя боксерами, посоветоваться с Хохлом, как поступить в какой-нибудь сложной, для него, ситуации. Точнее – для них, они имели свою группировку, которую называли «боксеры» в городе. Спортсмены тянутся к спортсменам, поэтому борцы и боксеры держались друг друга, а Хохол был их объединяющим звеном, потому что Силос его очень уважал, всегда прислушивался и выполнял любые его советы, в коих всегда нуждался. Мне даже иногда кажется, что, если бы Игорь посоветовал всем боксерам закопать все свои деньги в саду и обильно поливать – они бы так и сделали. Шутка, конечно, но как говоритьсь...

Я жил один, в последнее время, в квартире родителей, они всю свою жизнь, кажется, строили дачу, жили там сначала летом, потом расширили, утеплили, и с пенсией, постепенно, переехали насовсем. Мама приезжала нечасто, перемывает квартиру, наготовит полный морозильник пельменей, котлет, да вкусностей разных, мне и хорошо. А Хохол давно переехал из нашей пятиэтажки в соседнюю, жил там с самой красивой девчонкой нашего двора, Настей. Она скромная такая, домовитая, по клубам-ресторанам я ее не видел, только Игорь если выведет куда-нибудь. По воскресеньям, обычно они в кино ходили, да поужинать. Училась она в институте, на кого не знаю даже.

Потом, Хохол выписал мне доверенность на свою девятку, дал пейджер для связи и второй комплект ключей от машины.

– На, гоняй, – говорит, – Стоянка знаешь где, по утрам за мной в одиннадцать, как всегда, в спортзал поедем, – так и гоняли мы с ним вместе, с утра до вечера, на вишневой девятке. Я слышал иногда, что так как мы были тезки, меня стали называть Игорехин Игореха, среди своих, а иногда даже Хохлик. Смешно, не правда ли?

А однажды, в пятницу утром, приехал он за мной на такси, – Поехали, дело есть.

Приехали в автосалон, а нам выгоняют два новых джипа Тойота Лэнд Крузер, черные, черный же кожаный салон, коробка автомат, кондиционер, стеклоподъемники, полный фарш, как говорят, короче. У меня челюсть отпала, такие шикарные машины я в журналах, да по телеку только видел.

– Падай, – говорит, – За руль, за мной поехали.

А как на нем приятно ехать, словами не описать. Приехали в автомастерскую, там стекла темной пленкой затонировали, вообще красота стала. Потом поехали в ГАИ, и опять меня Хохол поразил, когда вынес оттуда два комплекта номеров 001.

– Короче, – говорит, – Сегодня после футбола, Фил юбилей отмечать будет, тридцатник, один Крузак ему подгоним.

Какой же был фурор, когда все в баню пошли после футбола, а я улизнул по-тихому, подогнал машину к бане, дал ключи Хохлу, а он торжественно вручил их Филу! Тут же все вышли посмотреть, восторгам не было предела.

Попозже я и второй подогнал, а Игорь сказал Филу во всеуслышание, когда все вышли и обомлели, увидев уже две одинаковые машины, – А это мой, чтобы ты себя самым блатным в городе не чувствовал. А-то, глядишь, здороваться перестанешь!

Вот это была ночка! Так никогда еще не гуляли. Из бани уже все бухие вышли, Хохол с Филом пьяные за руль, в машины все набились человек по десять, благо там багажник огром-

ный с сиденьями, и по городу. Все клубы объехали. До утра гуляли. Девочки так и кидались под колеса, увидев таких двух красавцев. На следующий день, после обеда, стали потихоньку в Праге собираться, похмелились, и опять по клубам-ресторанам. Три дня куролесили короче, ох и весело было. Хохол больше всех был весел и неудержим. Если, вдруг, замечал, что кого-то не хватает из пацанов, кричал, – Что за дела? Где Сема? А ну – по машинам! Поехали, вытащим его из-под юбки, и на Прагу!

И два Черных Барса, так он их называл, поднимая пыль, летели по городу. Я уже не пил на второй день, лишь бы погонять за рулем.

И вот Хохла убили, и я опять не знаю, что делать и как жить.

2. Жженный.

– И вот Хохла убили, и я опять не знаю, что делать и как жить, – сказал я Ушастому, подводя итог своего рассказа и пошел в холодильник за пивом. Устал говорить, с удивлением отметил я про себя. Так не удивительно, часа два я уже рассказывал Вовке про Хохла и последние годы моей жизни.

Вова Дорофеев был мой армейский друг, его сразу прозвали Ушастым, за характерно оттопыренные уши. Но теперь я чаще называл его Жженным, а не Ушастым, так как от ушей у него остались лишь безобразные отверстия, а все лицо его было обезображено ожогом, наверно, последней степени, не знаю, какие они там есть. Он сидел на полу, вытянув ноги, скрестив руки на груди, упираясь спиной в кресло. Высокий, жилистый, широкоплечий. Природа не обидела его, подумал я, а судьба не пожалела, довольно рано, этими ожогами. Кисти рук тоже были в ожогах, казалось, на них не осталось мяса, кости да безобразная кожа. Непонятно даже, за счет чего он сжимал, в данный момент, уже пустую бутылку из-под пива. Может, он и не чувствует вовсе ничего руками, если не замечает, что бутылка пуста, захотел я спросить, но передумал. Я старался не напоминать ему, ни намеком, на тот злополучный пожар в танке.

Случилось это в конце нашей службы, когда нам уже начали считать сто дней до приказа. Я был командиром танка, Вова стрелком-наводчиком. Его сразу назначили стрелком, когда узнали, что он потомственный охотник. Мама его умерла рано, а отец с раннего детства брал его с собой на охоту. В той глухой деревушке, где он вырос, даже детского сада не было, а в школу возили в соседнюю деревню, когда не распутица, чтобы проехать можно было. Мы с ним как-то сразу сошлись, он был простой, откровенный парень, без тени лукавства. А так как основу нашего призыва составляли москвичи, так мне и вообще не с кем было общаться, кроме него.

Я даже не знаю, как это случилось, хотя, знаю, утечка топлива произошла где-то внизу, у механика-водителя, я это по запаху солярки понял, но занят был, не обратил внимания. Но, как только увидел, как подо мной все запылало, пулей вылетел из танка, благо мы стояли на месте.

– Вовка! – заорал я, увидев языки пламени из верхнего люка, откуда выскочил. Повезло, что рядом, в куче лежала наша верхняя одежда, была ранняя осень, потеплело, и мы поскидывали с себя лишнее, перед танком. Я быстро накинул танковый шлем, очки, трехпалые рукавицы, намотал чей-то свитер на лицо и бросился в лужу. Затем нырнул в люк по пояс, скорее нащупал, чем увидел горящего Вована, и не знаю, откуда силы взялись, вытащил его из танка и приволок в ту-же лужу.

Механик сгорел вместе с танком, Вову долго лечили и комиссовали, а меня, как командира танка, без суда и следствия, ведь трибунал – не суд, на полтора года приговорили к службе в дисциплинарном батальоне, короче – дисбат.

Про дисбат не хочу вспоминать, но бывалые люди говорят, что хуже зоны. Мне пока сравнить не с чем было, но зоны я стал бояться меньше.

– Ты хоть, как-то пожил, – сказал долго и терпеливо слушавший Вова, – А я сунулся было после армейки в город, поработал, то там, то сям, но как ни крути, больше чем на аренду однушки в хрущевке не смог зарабатывать. Мутота одна. А кругом – тачки крутые, девчонки расфуфыренные, от меня шарахаются. Такая тоска берет... – Вова помолчал, вспоминая, как будто, свои ощущения.

– Зайду, бывало, – продолжил он, – В какую-нибудь забегаловку, по пути, бахну сто грамм водочки, вроде отпустит. А еще отцу помогать надо, старый он стал в тайгу ходить, да и зверя уже подвыбили, все дальше уходить надо, на сырой земле ночевать. Я-то еще справляюсь, а у него ревматизм, вот технику бы какую купить по лесу лазить, вездеход какой, да дорого. Хоть бы Ниву, например. Я думал, заработаю на шкурах, да на мясе, но на жизнь только и хватает. Короче, ни в городе, ни в деревне понту нет.

– Значит меня Бог тебе послал, раз так все складывается, – улыбнулся я ему, наверно, первый раз за вечер, – Дело есть к тебе, рискованное, но, если выгорит, перспективы откроются перед нами в городе. А если осечка какая, девятка – твоя, это все что у меня есть, от Игорехи осталась. Может, продашь, отцу Ниву купишь, или сам ездил, дело твое, короче.

– Тебя мне Бог один раз послал уже, говори за второй, думаешь я забыл, как ты меня из танка вытащил, чем смогу – помогу, без девятки всякой, – сказал Вова, и по взгляду его я понял, что он уже согласен на все, даже не предполагая, какой ужас я задумал.

– Я хочу отомстить за Хохла, блатным, так их в городе называют, перевалить их всех, сколько в баню придет, может быть много, дюжина, например, – приврал немного я и сделал паузу, смотря на Вову, ожидая его реакции.

Вова глубоко вздохнул, сделал пару больших глотков пива и покачал головой. Наверно, цифра смутила его, так я подумал. Или то, что придется перейти черту, ведь одно дело убивать животных и совсем другое людей. Он молчал, я тоже, решил не торопить, догадываясь, что именно сейчас решается судьба моя, его, и еще многих людей.

– Говори, – сказал он, после паузы, – Я понял, что всех разом, уже легче, главное – из чего?

Внутренне я выдохнул, поняв, что он уже согласен даже на это и уговаривать его не придется. Я и не собирался его уговаривать, разве что чуть-чуть...

Дальше, я поведал ему историю из нашей совместной службы в армии, которую никто не знал, кроме меня. Нас как-то перебросили по учебной тревоге в соседний полк на учения. Большие учения были, со всеми родами войск, авиацией, пехотой и артиллерией. Пошел я, однажды вечером, темно уже было, так сказать, в туалет, за танк, как обычно, и запнулся об автомат Калашникова, с пристегнутым магазином. Не знаю, что меня дернуло, но я взял его и закинул подальше в кусты. Лег спать, но не мог никак уснуть, все лежал и думал, что с ним делать. Странно, думал я, как можно потерять автомат, да еще с рожком, их обычно отдельно носят. Перед стрельбой только пристегивают. Нет никакого сомнения, что это пехотинцы, их тут полно бегало туда-сюда по полной боевой. А сегодня как раз они проводили учебные стрельбы. Весь день пальбу было слышно. Сначала я решил забыть о нем, но так и не уснул, часа четыре проворочался, наверно. Все-таки не выдержал, встал, как будто в туалет, пошел в свой танк, взял там плащ-палатку, шансовый инструмент, так лопатка маленькая штыковая называется, и прикопал, обернув плащом, автомат под поваленной сосной. Утром я хорошенько запомнил это место, ориентиры всякие присмотрел, стал ждать, думал вот-вот всех построят, как это бывает при чрезвычайном происшествии, автомат будут искать. Но день прошел тихо, а на следующий учения закончились и нас обратно, домой, так сказать, в свою часть, колонной отправили. Короче, как там они пропажу автомата замяли, я так и не узнал. А может и судили того, кто потерял. Но потом, когда я в дисбате оказался, я сильно переживал, что так поступил. Все думал, что кто-то, может, из-за меня тоже сейчас где-то рядом. Даже

старался поменьше общаться с другими осужденными, чтобы не встретить этого несчастного бедолагу.

Несколько раз Вован порывался было перебить меня, но сдерживался, а когда я закончил, он вскочил на ноги и воскликнул: – Ну ты даешь! Как оказывается мы одинаково мыслим! Ты будешь долго смеяться, но это я закинул калаш за наш танк!

– Да ну?

– А то, кто же! Я, как увидел на учениях это обилие оружия, у меня прямо разум помутился, как представил – нам бы с батей такой ствол, на охоту ходить. Особенно на медведя, или кабана, ни хрена не страшно.

– А я-то думаю, как можно было автомат, да с пристегнутым магазином, в кустах за танком потерять?

– Я к этой пехоте сразу стал приглядываться, смотрю они безо всякой охраны оружие побросают на землю во время перекуров, где попало, а потом гуляют меж собой, кучкуются, или спят вообще, прямо на земле. Так я, как смеркалось, сначала автомат крайний умыкнул, потом магазин из подсумка вытащил, тут же валялся, пристегнул, и за танк наш в кусты закинул. Подождал часик, вроде все спокойно, никакого кипиша, пошел было перепрятать понадежнее, но не нашел на месте. И как думаю так быстро его отыскали? Все корил себя, не мог, думаю, сразу понадежнее схватить.

– Теперь можешь не переживать, думаю, лежит он там спокойненько, можем завтра прям рвануть за ним, за сутки обернемся. Только я не обратил внимания, да и темно было, холостые там патроны или боевые?

– Боевые, я посмотрел, у них пуля другая. И магазин полный, там специальная дырочка есть, чтобы видно было.

– А вот это очень хорошо, на это я очень надеялся. Можно, конечно, найти патроны для калаша, но привлекать кого-то не хотелось бы. Меньше людей знают – спокойней спишь.

И дальше я ему поведал свой план. А план этот я выдумал долгими ночами, когда мысли о нем не давали мне уснуть допоздна, и заставляли просыпаться с рассветом.

3. План.

Блатными называли компанию, костяк которой составляли, кажется, трое или четверо друзей, вместе сидевших на зоне, семейники, так называемые. Еще к ним примкнул, не так давно освободившийся с нашей местной зоны положенец Калач. Остальные, кто был в этой компании – молодежь, грезившая тюремной романтикой или отсидевшие по малолетке. Жили они, понятно, по понятиям. Где-то воровали, кого-то грузили, парили коммерсантов воровским общаком, пугали ворами в законе. Своего вора в законе у нас в городе не было, и потому их мечта была короновать кого-то из своих. Скорее всего Калача, я точно не знаю.

Но знаю я, что они, видимо, насмотревшись на Хохла, взяли с нас пример играть в футбол и ходить вместе в баню, на тот же стадион, что и мы. Наверно, позавидовали Хохлу, какую он крепкую и сплоченную группировку собрал. Для, так сказать, сплочения коллективного духа. Или как там у них по фене? Ладно, пятница была наша, взяли они субботу. Основные не играли, были далеки от спорта, но смотрели с трибуны под пиво, курили дерьмо всякое, делали ставки на победителей, орали и веселились. Иногда, сразу шли в баню обсудить дела без молодых, пока те мяч гоняют. Остальные, понятно, после футбола присоединялись. Засиживались допоздна, а то и до утра. Думаю, футбол и баня были просто причиной, чтобы собраться да побухать.

Баню эту, понятное дело, я знаю наизусть. Находится в цоколе, в под-трибунном помещении стадиона, окошки маленькие, человеку не пролезть, для вентиляции. Вход один, он же выход. Сделано было при коммунистах, пожарникам было не досуг, есть ли там пожарный выход, сто лет не проверяли, наверно, забыли про нее.

Но не пожар был моей целью, хоть и думал о нем сначала. Стены кирпичные, не вариант, нечему гореть, кроме мебели и парилки, потушат, воды полно. И еще разные доводы, но это потом. Короче, если войти с калашом и начать стрелять, деваться им будет некуда, коридор узкий, длинный, со стороны никто не набросится. Вдоль стен коридора гардероб, одежда висит, стволы, если есть, тут же должны быть. Далее большой стол, где все пьют-едят обычно, сразу под обстрел попадает. Короче, если они в парилку со стволами не ходят, шансов у них нет. Там засова изнутри даже нет, на ключ запираются не станут, таких как мы не ожидают, а свои еще могут зайти. Сначала, под горячую голову, думал один пойду, будь что будет. Но потом, поостыв, понял, что может не выгорит. Много причин. Основная – вдруг автомат заклинит. Второй год в земле лежит. Понятное дело, нужно будет разобрать, почистить, смазать, проверить, патроны подсушить аккуратно, но все же. А, еще главнее – я же не убивал никого ни разу, даже кролика, не знаю, как себя поведу при виде крови, а ее будет много, очень много. Однажды, когда кровь сдавал из вены по молодости, перед армией, медсестра неопытная попала, разлила полпробирки по руке, так мне плохо стало при виде крови, голова закружилась, чуть не упал со стула. Так что в себе я сомневался больше чем в автомате. Ему легко, он железный.

Так что, нужен мне помощник, и я сразу подумал о Вовке. Кто, кроме него? Он охотник, еще с детства крови повидал, решительный, далеко не трус, не болтун, никто его не знает в городе. Короче, если не он, то кто же еще справится? Как записную книжку не листал в голове, не нашел ни одного знакомого киллера. Мы с ним переписывались после армии, я знал, что дела у него не фонтан, есть шанс, что согласится. Правда, внешность у него приметная, но свидетели в план не входили.

– Второй ствол нужен, – Вова меня почти дослушал и взял быка за рога, – У меня есть, давно валяется, двустволка старая, курковка, отец давно за спирт выменял. Сделаем обрез, потренируешься быстро перезаряжать, надежнее ствола не бывает. Будешь идти сзади, меня страховать.

Как же он похож на Хохла, подумал я. Голос, манера говорить, без лишних слов, быстро приняв решение, сразу за двоих, что нужно делать и как мы поступим. Я даже глаза прикрыл невольно, перенесся в то время, когда Игореха был жив и мы гоняли на девятке по городу, общались с разными интересными людьми, и у меня совсем не было забот. Делай, что тебе говорят, и жизнь твоя в шоколаде. Помню, выходим мы как-то с Хохлом из торгового центра зимой, погода такая хорошая, солнце уже весеннее светит, снег тает, и тут он поскользнулся на лестнице и кубарем вниз, ступенек десять, наверное, длинных таких, смешно так упал, растянулся. Людей полно вокруг, все встали, смотрят – как он? А он, как скатился, вытянулся, быстро перевернулся еще два раза через бок, выкинул перед собой обе руки, сложил пальцы пистолетом и пару раз громко так, – Бах-бах, – выстрелил из пальца по прохожим. Все засмеялись, а кто-то даже похлопал в ладоши. Вот такой он был человек, всегда умел развеселить, даже в нелепой ситуации.

– Ты что, уснул? – вернул меня Вова на землю, – Я ему объясняю, как стрелять, чтобы меня не зацепить, а он спит! Улыбается еще во сне...

Дальше мы долго и подробно составили план наших действий. Первым делом – решили завтра утром поехать откопать автомат. Ехать не близко, за два дня управимся, далее еще за один день приготовим, почистим, проверим оружие, выпилим обрез из ружья. Потом едем в город, приезжаем затемно, чтобы Вову никто не увидел в моей машине и ждем субботы. На дело идем пешком, разными дорогами, как только стемнеет, чтобы не узнал никто по дороге, благо в бане хозяйские засиживаются допоздна. Если все пройдет удачно, Вова идет на речку, там недалеко, выбрасывает все оружие в воду, и идет в заранее снятую квартиру посуточно, рядом с автовокзалом. Там ждет до утра послезавтра и уезжает на автобусе к себе в деревню, а я наутро, дождавшись новостей по телевизору, иду сдаваться Семенычу. Затем, примерно

через месяц, Вова получит письмо, где я намеками сообщу ему, что все улеглось, я нашел ему работу и он может приехать пожить у меня первое время, пока не станет на ноги.

– Это будет серьезный поступок, и совершить его будет не так легко, как мы сейчас накидали, – как бы подытожил Вова, – Наверняка что-то пойдет не по плану.

– Более того, думаю, пережить последствия этого поступка будет еще сложнее, чем совершить, – добавил я и протянул ему руку. Он крепко пожал ее, глядя мне в глаза, как бы проверяя мою решительность, потом кивнул, сказал, – Пойдем спать, завтра рано вставать.

– Подожди, есть еще один момент, очень важный.

– Говори.

– Тело Игоря. Его не нашли. Они его закопали или утопили. Нужно будет перед смертью потолковать с одним из старших, выяснить где.

– Решим, – сказал Володя, поднимаясь, – Ладно, давай спать, утро вечера мудренее.

Он всегда, еще в армии, уже любил вставлять в разговор разные поговорки. Говорил, что дед приучил его, когда с сызмальства таскал его с собой сначала на рыбалку, потом на охоту. Дед говорил, что в поговорках заключается вся мудрость веков.

Я, то ворочался с боку на бок, то глядел в потолок сарая, и все никак не мог уснуть, часа два уже, наверное. Вова, по моей просьбе, притащил матрас, одеяло, белье и подушку в сарай, набитый сеном. Я был городским жителем и возможность поспать на сеновале мне очень понравилась. В доме еще меня ждал диван, на всякий случай, если замерзну, но ни запах сена, ни холодок, ни деревенские звуки не давали мне уснуть, а мысли. А думал я, что не поздно еще все остановить, я могу еще сказать утром Володе, что передумал. Начав «Такую жизнь», я уже не остановлюсь, не вернусь обратно, не смогу перемотать и пойти другим путем. И могу ли, имею ли право лишать жизни такое количество людей, затронув судьбы еще многих, родителей, жен, детей, братьев и сестер. Но я все-таки решил, что я должен это сделать. И стал искать оправдания.

– Во-первых. Люди всегда убивали друг друга. В борьбе за власть, за землю, за женщин, из мести, люди гибнут за металл в конце концов. А, главное – тот, кто больше всех убил, так или иначе, становился героем, его почитали, складывали легенды, им до сих пор стоят памятники.

– Во-вторых. Сама Святая Церковь санкционировала многочисленные убийства, хоть и считает это смертным грехом, взять хотя бы инквизицию и многочисленные крестовые походы. Да с именем Господа и Аллаха на устах истреблена, наверное, самая большая часть из всех убиенных за всю историю человечества.

– В-третьих. Взять природу, например, льва. Он же не виноват, что его таким создал Бог. Если он не будет убивать, на траве ему не выжить. Так же, он должен убивать других хищников, и себе подобных, чтобы защитить свой прайд, своих женщин и детей. Если он не смог этого сделать, другой лев заберет себе его львицу, а львят убьет, чтобы самки вновь начали спариваться и завести свое потомство.

– В-четвертых. Хотя достаточно...

Вот так, успокоив себя, я и уснул. Все, обратной дороги нет.

4. Последствия.

Я сидел дома и смотрел телевизор. Местные новости. Весь выпуск был посвящен кошмарному преступлению. Вчера, поздно вечером, в бане стадиона Динамо были зверски убиты шестнадцать человек, принадлежавших самой крупной преступной группировке города. Подробности не сообщались, известно лишь, что у всех огнестрельные ранения, кое у кого еще и перерезано горло. Далее имена и фамилии убитых.

Подождал местных новостей по другому каналу. То же самое. Собрался, у порога уже развернулся, вспомнил, как отец учил, присел на тумбочку, на дорожку.

Легче совершить поступок, чем пережить его последствия – вспомнил придуманный собой и сказанный уже Володе афоризм. Вздыхнул, пошел.

Приехал к ОРБ на такси, заметил необычное оживление, машин много, люди бегают туда-сюда. Странно, подумал я, ведь в принципе, это отделение милиции, но почему нет ни одного человека в форме, как будто бизнес-центр какой-то. Только в наручниках заводят кого-то иногда. Зашел, сразу увидел дежурного, он один в форме в окошке за решеткой. Прочитал в его глазах удивление, как будто мы знакомы, но встретились случайно, у черта на куличках.

– А, сам пришел? – спросил он и задумался.

Думает, к кому меня отправить, решил я и пошел на опережение.

– Я к Шумилову Николаю Семенычу.

– Что, с чистосердечным? – усмехнулся он, видимо, представляя, как он звонит подполковнику и докладывает, – Тут к вам Макеев с чистосердечным.

– Не дождетесь, – ответил я, как бы переводя разговор в глупую шутку.

– Ну-ну, – бросил он и взял трубку доложить обо мне.

Первый раз я видел Семеныча таким серьезным. И таким кратким, даже здесь не в форме.

– Хорошо, что сам пришел. Алиби есть?

– Нет.

– Плохо. Где был?

– Дома. Один.

– Ладно, сейчас придут опера, допросят, это их дело, гни свою линию, после поговорим, – и вышел.

И пришли опера, трое, молодые. И допрашивали меня. И гнул я свою линию. Сказал, что весь вечер был дома, живу один, никто меня, к сожалению, не видел. На домашний телефон никто не звонил. Ни с кем из убитых я не общался, знаком был с некоторыми, но не более того. Подписал свои показания, они ушли.

Пришел Семеныч. Прочитал мои показания, кивнул. Стал спрашивать:

– Как жизнь?

– Нормально.

– Как родители? Знают, что ты здесь?

– Спасибо, хорошо. Нет не знают, ни к чему.

– Позвони, скажи удержишься на пару дней, – придвинул мне телефон, древний такой, с круговым набором.

– Они на даче, телефона нет. Да и не хватятся меня так быстро.

– Про Хохла узнал что-нибудь?

– Нет, – ответил я и занервничал, подумав – догадывается.

– И как мы теперь узнаем? Колоть-то теперь некого.

Я молчал. Старался просто молчать, но получилось, что красноречиво молчал, пожал только плечами, еле заметно, отвел взгляд, слишком уж он изучал меня, а я, походу, спалился.

– Ладно, – Семеныч понял, что разговора у нас не получится и перешел к делу, – Закроем тебя на пару-тройку суток в КПЗ, бросим в пресса, но ты не очкуй, все будет ровно, тебя не тронут. Дернем пару раз на беседу, я или опера, потом гуляй смело, если не споткнешься, иначе никак, сам должен понимать, ты первый на подозрении.

Я кивнул, догадывался, что легко не отделаюсь. Он поднял трубку другого телефона, такого же древнего, но без набора номера. Односторонняя связь, подумал я, и для чего такая? Сразу пришел в голову Феликс Эдмундович Дзержинский, сидит в своем кабинете, а рядом полстола телефонов, один из них звонит, непонятно какой и он думает, как бы не перепутать.

– Забирай, – бросил «Жеглов» в трубку.

– Спасибо, – успел сказать я, прежде чем дверь открылась.

Все произошло точно так, как он говорил. Посадили меня в камеру. Человек десять, из них четверо прям здоровые такие качки, все в наколках и в майках, чтобы видно было. Старший среди них сразу подошел ко мне, обозначился, протянув руку, – Егор, вон твоя шконка, в холодильнике что найдешь – твое, чайник, посуда на слонихе, чай-май, прибуды – в шкафчике. Что надо – говори, не надо – молчи.

Вор-Егор, подумал я, здороваясь, а еще – неплохо сидят прессовщики, тут и холодильник, и телевизор, видак даже есть, стопки с кассетами, назвал громко свое имя и пошел расстилать матрас.

Три дня прошли спокойно, никто даже разговаривать со мной не пытался. Один раз, через сутки, те же опера вызвали на допрос, задавали те же вопросы, но не услышав ничего нового, отправили обратно. Один раз привели к Семенычу. Но тот вообще ничего не спрашивал, просто напоил чаем, свежие булочки даже принес откуда-то. На прощание, Семеныч написал для меня на бумажке свой домашний и рабочий телефон, номер пейджера, сказал, – Будут новости – звони, и проблемы если, но лучше по праздникам, – и улыбнулся наконец, – Сейчас все уляжется, я скину тебе на пейджер, когда увидимся, потолковать надо. Встретимся, как всегда, в Праге.

Я кивнул, пожал протянутую руку и вышел.

А наутро, как говорится, с вещами на выход. На улице, вдохнув свежего воздуха, шагая по тротуару, подумал, что, интересно, чувствуют люди, которые не как я, три дня просидели, а лет десять, выйдя на свободу? Идут, наверно, как я сейчас и выбирают, что бы такое поесть, первым делом? Или выпить? Или сразу по девочкам? Размышления мои прервала поравнявшаяся машина. Филковские, двое. Я быстро сел на заднее сиденье, поехали. В офис повезли, без лишних разговоров, значит, Фил ждет, догадался я. Непростой будет разговор.

5. Поколение.

Официально офис принадлежал благотворительному фонду «Поколение». Это было детище Хохла. Все-таки он был очень изобретателен. Создать благотворительный фонд для того, чтобы официально грузить коммерсантов. Это гениально. Приходят, скажем, к владельцу любого бизнеса двое такие, с поломанными ушами и говорят, что мы, мол, представители благотворительного фонда «Поколение», помогаем детским домам, инвалидам, а также лицам, находящимся в заключении, больным да убогим. Не могли бы вы внести свою посильную помощь? Не обязательно деньгами, людям нужны одежда, продукты, медикаменты, стройматериалы и тому подобное. А мы, в свою очередь, чем сможем – вам поможем, если, вдруг, какие проблемы, благо связи имеются, мы в этом городе не пустой звук. Так завязывались отношения между коммерсантом и его будущей крышей. Но вся помощь, которая поступала, действительно отправлялась нуждающимся, ну и часть, как грех, на зону. Вся бухгалтерия велась, кто чем помог и куда все ушло, никто себе и не помышлял что-нибудь прикарманить, выдавались квитанции, получались многочисленные благодарственные письма от детских домов, инвалидов и пенсионеров. Слава о фонде гремела по городу, каждый день Игорю приходилось выслушивать десятки просьб о помощи. Он, как мог, сначала старался всем помочь, но потом понял, что это физически невозможно и назначил директором фонда своего одноклассника, Колю Варшавского, с высшим образованием юриста и с неплохой зарплатой. Если бы, кстати, Игорь был бы жив и захотел, он бы легко мог сделать карьеру политика номер один в городе, ему это многие советовали, но он всегда отмахивался.

Идем дальше. Проблемы у коммерсантов есть всегда, если нет, они появляются искусственно. Попросит Хохол, например, Саида, боксеров, или еще кого-нибудь из дружественной группировки, – Отправь своих пацанов по такому адресу, пусть шуганут бизнесменов.

Зачастую, дня не проходит, прибегает потерпевший, – Что делать? На меня хачики наехали!

– Ну, что делать, назначай стрелу, подъедем, поговорим. А раз мы тебе помогаем, то и ты теперь нам больше помогать должен, лучше наличкой, – примерно такой он слышит ответ.

Так, постепенно, росла империя «Поколения». Хохол сам часто ездил к особо жирным коммерсантам. Всегда один и всегда успешно. Умел он как-то тонко подобрать ключики к любому человеку. Зачастую у них складывались в последствии даже дружеские отношения. Один раз только помню, приехал злой со встречи, сказал Филу, – Сломать.

А когда, спустя месяц, выписавшись из больницы, этот бизнесмен приехал в офис и сказал Игорю, что все осознал и хочет работать с нами, Хохол сказал, – Пошел вон. С такими уродами не работаем.

История эта быстро облетела весь город, и стали мы иметь еще меньше осечек в подобных вопросах. А однажды, он в шутку назвал фонд «Поколение» – «Покорением» и это название тут-же прилипло, и между собой стали так его называть. Зайдет, бывало, в офис, и спрашивает: – Ну что, покорители? Покорили сегодня кого-нибудь, кроме дамочек?

Офис был огромный, посередине стоял бильярдный стол, вокруг диваны, большой телевизор, холодильник, барная стойка, но не со спиртным, а с чайными принадлежностями и кофе-машиной. Народу тоже было обычно много, в основном спортсмены, Филовские. Постоянно кто-то приезжал решать какие-то вопросы. Было два кабинета для отдельных разговоров. В одном раньше хозяйничал Хохол, а в другом Фил, но они никогда не были закрыты на ключ, любой мог воспользоваться для конфиденциального разговора. Когда особых дел не было, обычно во что-нибудь играли – бильярд, нарды, шахматы, реже в карты, Фил их не любил, видимо, не хотел видеть ничего общего с блатными.

Как только я зашел и обойдя офис по кругу, поздоровался со всеми, Фил затянул меня в свой кабинет, закрыл дверь.

– Ну, здравствуй, здравствуй, – обычно сдержанный, тут не скрывая восхищения, обнял меня, здороваясь, – Красавчик, не ожидал, честно говорю, не ожидал. Опередил меня, опередил. Я, конечно, планировал нечто подобное, но не в таком масштабе. Я думал основных убрать, остальные разбегутся. А ты как придумал! И почему мне в голову не пришло? А ты почему сам, один? Почему не пришел? Вместе бы сделали. Я не понял, ты что, не доверяешь мне, что ли? – наконец, дал мне он слово.

– Что ты, Фил, я просто первое время в шоке был, ты же знаешь, как близок мне был Хохол, а потом меня полностью захватила эта идея, я ни есть ни спать не мог. Я понял, что одного надежного помощника мне хватит, оружие было. Если бы нужна была помощь, я бы сразу к тебе пришел, кому бы еще? Не обижайся, меньше знают – лучше спишь, ты же знаешь.

– Ладно, а кто второй герой, кстати?

– Он не местный, сослуживец мой по армии, охотник потомственный. Приехал – уехал. Я тебя потом познакомлю, как приедет, попозже, как уляжется.

– Так, хорошо, а самое главное, где Хохол? Ты же узнал?

– А вот теперь самое интересное, – я сделал паузу и пристально посмотрел ему в глаза, – Хохла не они завалили.

– Да нет, – Фил недоверчиво посмотрел на меня, – Не может быть, кто же еще? Мы же их сразу вычислили. Они же вон как паруса себе надули, трепались на каждом углу, что нет теперь Хохла, мы теперь рулим.

– Я тоже так думал, – сказал я и присел на диван, предполагая, что это надолго.

– А с чего ты взял-то? Кого-то пытал? Кого? – Фил тоже сел рядом.

– Я там не в себе был, честно скажу, плохо соображал. А вот Вова молодец, я ему четкие инструкции дал, как чувствовал. Он, когда раненых добивал, своим охотничьим ножом, у всех спрашивал, где Хохол и кто его убил. Никто не признался. Поверь, ты просто Вову еще не видел, если бы он к тебе подошел со своим кровавым тесаком, ты бы все рассказал, что знал и что не знал.

– Так, может, не все знали, а основные только.

– Я Вове Калача точно описал, по наколкам, он тоже не признался, я видел.

– И что теперь? Все зря? А кто тогда? Саид?

Я покачал головой, – Нет, не думаю.

– Ну, а кто? Да нет, Саид. Больше никому. Я уберу Саида значит, теперь моя очередь.

– Нельзя, ни в коем случае.

– Почему? Сам подумай – уберем Саида и все, мы одни в городе.

– Во-первых. Завалить Саида без последствий не получится, нужно тогда убрать еще его братьев, племянников, братьев племянников, племянников племянников. Во-вторых, через Саида мы можем держать под контролем всех хачиков, если его не будет, мы затрахаемся на стрелы с ними ездить, а их немало. Или появится кто-то другой, вместо него, вдруг молодой да горячий, с амбициями, опять война. В-третьих, не забывай про мусоров. И так, ажиотаж, будь здоров, если будут еще трупы, они всех собак спустят, нечем дышать будет, они не дураки, смекнут, откуда ветер дует.

Я встал и заходил по комнате туда-сюда, у меня бывает такое, когда мысли переполняют. Ночью я не могу спать тогда, а днем непроизвольно начинаю ходить по комнате или качаюсь на кровати. Нужно кресло-качалку купить, пожалуй. Филу, видимо, тоже не сиделось, но он просто крутил авторучку в руках. Походив немного, я успокоился и продолжил:

– И вообще, почему ты решил, что это Саид? Я не видел его еще, но уверен, он переживает за Хохла не меньше нашего, они старые друзья были.

– Ты же знаешь почему, рынок, – громко положил ручку на стол Фил, как точку поставил.

Здесь он был прав. Причина веская. Самый жирный кусок города. Городской центральный рынок, выставленный администрацией города на аукцион по программе приватизации государственной собственности. Располагался он напротив автовокзала и был основным местом торговли в городе. Мало того, что горожане привыкли делать основные покупки на нем, будь то одежда или продукты, электронная и бытовая техника, так еще и близлежащие деревенские жители постоянно затаривались на месяцы вперед, из-за того же соседства с автовокзалом. Тот, кто смог бы его приватизировать имел бы гарантированный колоссальный доход. Просто раздай в аренду торговые места и многочисленные контейнеры и все, руби капусту. Даже искать клиентов не надо, места уже разобраны. Иметь контейнер на центральном рынке уже было признаком успеха и обеспеченности, практически любую арендную плату готовы платить люди за место на нем. Кто не согласится, очередь стоит из желающих, еще и взятку дадут приличную, чтобы попасть на это место. Я даже боюсь предположить, какую сумму не жалко отдать за этот кусок пирога, мне кажется, что любая быстро отобьется. Неудивительно, что этим тендером заинтересовались все влиятельные люди города.

Первый – Саид. Денег у него самого, конечно, столько не было, но рынок был вотчиной, как это во всех городах водится, многочисленных азербайджанцев, грузин, армян, таджиков, и всех других, возивших овощи и фрукты со своей родины. Они быстро смекнули, какая здесь выгода и объединились вокруг Саида, готовые отдать все, что у них есть и душу в придачу за любую, хоть мизерную долю в этом проекте. Это был шанс для Саида. Из просто авторитетного человека он стал бы еще и самым богатым авторитетным человеком города, еще и не вкладываясь, а просто собрав деньги со всех. А долю в этом предприятии мог отхватить львиную, никто бы и не пикнул.

Второй – Калач, точнее его банда. Эти тоже были нищие, относительно, конечно, этого проекта. Но им под это дело готовы были выдать деньги московские воры. Те тоже деньги считать умеют и любят, их уговаривать не пришлось бы. По слухам, их люди уже приезжали на смотрины.

Третий – некий Павлов. Крупный бизнесмен, владелец нескольких ресторанов и самого успешного ночного клуба в городе «Торнадо». Он, пожалуй, единственный игрок в этой игре

за свои деньги. Скользкий такой тип, ни под кем до сих пор не ходил, старался дружить и общаться со всеми. Всем, кого побаивался, дарил карты с приличными скидками в свои рестораны и клуб. Вопрос времени, поговаривал Хохол про него. А еще шутил, что статус человека можно измерить по тому, какая у него скидка в Павловские рестораны. Достанет, бывало, карточку, положит на стол лицевой стороной вниз и говорит оппоненту, доставай мол свою, хренами меряться, у кого скидка больше. Поговаривали, что у него крышей наш начальник милиции Груздев Иван Карлович, по крайней мере, тот везде козырял своей дружбой с ним, может, поэтому и удавалось ему сохранять некую независимость от уголовных элементов до сих пор.

Ну и четвертый – Хохол. Не знаю, где бы он взял столько денег, но он был, думаю, самым реальным претендентом. Потому, что он очень хотел этот рынок. А если он что-то очень хотел, он всегда добивался. Он часто повторял что, если вымутить рынок, все, считай – жизнь удалась, хватит всем, всем близким пацанам и нашим детям, всем кто рядом. На его стороне была дипломатия, он мог договориться со всеми. А в этом деле это было самое главное. Ведь предстоял аукцион. То есть можно было выкупить рынок у государства недорого, с первого шага, а можно и в несколько раз дороже, если другие претенденты начнут бодаться. С Саидом и Павловым, Пал Палычем, такое у него интересное имя было, Хохол вроде бы договорился, а вот с блатными не удалось. Воры, через Калача, конкретно сказали – рынок будет наш, так или иначе. Встретаться отказались, предложили отступные. Сумма была неплохая, с учетом того, что деньги эти приплывали даром, но Игорь посчитал ее смешной. Только тогда я осознал масштабы. Ладно, решил тогда Игорь, будем решать. Как он думал тогда разрубить этот Гордиев узел, я не знаю, может, он и сам еще не знал, но они опередили его. Так мы думали до сих пор. А теперь загадка...

6.

План 2.

Долго мы еще спорили и обсуждали с Филом, кто мог убить Хохла. Он настаивал на Саиде, я не верил. В Павлова не верили мы оба, слишком он был трусоват для этого. Я предполагал, что когда дело будет к аукциону, появится еще кто-то третий, а то еще и четвертый, пятый, вот к ним-то и нужно будет присмотреться. Опять же, кто пойдет на аукцион без серьезной поддержки с улицы? Да он может быть убитым на следующий же день, с утра, как только сунет свой нос на улицу, причем одновременно тремя разными пулями трех разных киллеров, не знающих друг о друге.

Потом Фил решил, что без бутылки не разобраться, отправил кого-то за водкой и закуской, и мы перебрались в общий зал, к пацанам. Кроме всех своих, там было пару молодых, стремящихся затесаться в это общество, но Фил сразу их отправил, типа у нас собрание, а вы еще молоды. Началось застолье, где мы с Филом сидели рядом, пили и закусывали, и продолжали кидать свои версии, но уже во всеобщем обсуждении. Мы уже прилично накидались, того и другого, как вдруг я предложил нечто оригинальное.

– Смотрите, – сказал я, – Ведь, мертвого Хохла никто не видел, кроме убийцы, или убийц, допустим, пойти на Хохла в одиночку рискованное занятие. А, если мы объявим, что он выжил, и лечится, скажем, где-нибудь в Германии? И посмотрим, для начала, как себя поведут тот же Саид или Павлов? Вдруг, они себя проявят как-нибудь?

Повисла тишина, все обдумывали услышанное.

– И вору, московским, передать, якобы от него, что осознал, мол, согласен на отступные, – добавил я еще одну идею, – Если заплатят, значит, не их рук дело. Они же не дураки платить труп.

– Ну, Игорь, ну голова, – первым сказал Фил, – Все Игорехи такие башковитые? Нужно будет сына так назвать, чтобы наверняка не дурак был. Я и так хотел, в честь Хохла, а теперь и вовсе сомнений нет. А ты, Капуста, что молчишь? – Обратился он к Игорю Капустину, – Подкинь-ка нам пару идей, ты же тоже Игореха...

Капустин был, пожалуй, самый здоровый из всех борцов, супертяж, килограмм сто двадцать, не меньше. Но подкинуть он мог разве что человека, легко, а вот идею он мог подкинуть только, что пора бы поесть, или выпить.

– За такую мысль, можно и выпить, – протянул он стопку, подтвердив мои мысли о нем.

Но тут и Фил показал, что не дурак, придумав, – А что, если мы и с остальных попросим отступные? От имени Хохла? И не маленькие. Скажем, что никто не полезет торговаться, гони бабло – и рынок твой. Любой из них отдаст, если только точно не знает, что Хохол мертв. Двух зайцев замочим, бабла срубим и за Хохла выясним, потом накажем.

Все одобрительно загудели, легкие деньги никого не оставят равнодушным.

– А что, если все дадут, что тогда? Тендер, – предположил я, – И что? Как они разойдутся? Потом потребуют свои деньги обратно.

– Кинем всех, да и все, делов-то, – решительно заявил Фил.

Идея кинуть всех, пацанам тоже понравилась, но не мне.

– Кинуть Пал Палыча еще можно, но Саида нельзя, больше потеряем.

– Что ты пристал со своим Саидом? Не знал бы тебя, подумал, что твоя фамилия Хачатурян, – пошутил Фил.

И все засмеялись.

Но смешного было мало, подумал я. Большие деньги, очень большие, последствий не миновать. А, еще, удивительно, как так? Хохол, даже мертвый, может приносить деньги.

– Ладно, не обижайся, – Фил примирительно похлопал меня по плечу, предложил тост, – Пацаны, давайте выпьем за Игореху, – подумал и добавил, – Младшего, – видимо, чтобы не перепутали.

Потом, когда все выпили, он достал из кармана ключи от Крузера, положил передо мной, сказал, – Забирай, он твой, Хохловский, ты заслужил.

Я обомлел от неожиданности. Эту машину обнаружили на окраине города, у реки, в любимом месте отдыха горожан, в выходные или просто в хорошую погоду выезжали позагорать, пожарить шашлыки да искупаться. Она была изрешечена пулями, со следами крови. Позже, экспертиза показала, что группа крови одна и сходится с группой Хохла из медицинской карты.

Видя мое замешательство, Фил добавил, – Да ты не переживай, отремонтировали как надо, салон перетянули, как новый. Родители отказались, да я им и так неплохо помогаю. А ты заслужил, без сомнений. Все пацаны за.

Все одобрительно загудели.

Блин, родители. Как я мог забыть, я же еще не был у них! Совсем крыша поехала от этой мести. Сердечные люди, тетя Зина и дядя Вова. Игорь часто заезжал к ним на обед, и меня брал, естественно. Мама замечательно готовила, как и все мамы для своих детей, но блины у нее получались просто отменные. Я люблю просто очень блины, но как у нее попробовал, сразу понял, что в жизни таких вкусных не ел. Ничего старался потом у них в гостях не кушать, блины ждал, съедал потом целую гору. Она, заметив это, как мы приезжали, всегда готовила для нас и при нас свежие блины. И так быстро, удивительно, мы в два здоровых рта не успевали за ней все съесть, пока она пекла.

А отец, дядя Вова, жилистый такой мужик, когда я был у них первый раз, был немного выпивший, это было для него обычным делом, но только по выходным. Первым делом, смерив меня взглядом, показал пальцем на ковер, ложись, мол, бороться на руках. Я, килограмм на десяток тяжелее и лет на тридцать моложе, скептически отнесся к этому противостоянию. Но, не тут-то было, он уложил меня и правой, и левой, сколько бы я не пытался. Короче, сразу показал, кто в доме хозяин.

Был еще у Игоря старший брат, но я даже не видел его ни разу. Слышал про него только, что он долго кололся, потом лечился, потом опять кололся, потом опять.... Короче, иногда

только мы подъезжали к его дому, Хохол ходил один и быстро возвращался, деньги заносил, наверно.

И вот теперь, после смерти Игоря, я должен к ним заехать, обязан просто. И что им сказать? Мне очень жаль? Сочувствую? Примите мои соболезнования? Он был хорошим человеком? Бред. Нет таких слов сочувствия, которые бы выразили мою скорбь. Да что мою, их скорбь. А ехать надо. А Настя, еще же Настя...

– Фил, а как Настя?

– Плохо, как. Ты знал, что она беременна?

– Нет, – опешил я.

– Четвертый месяц, кажется. Я пытался с ней поговорить, но она видеть никого не хочет. У предков Хохла тусуется постоянно, я как заеду, к себе убегает сразу. Тяжело ей, понятное дело, а чем помочь? Хохла не вернуть. Давай помянем.

Помянули. Очередной раз. Только сейчас я заметил, что кого-то не хватает.

– А где Земы?

Земами называли двух друзей, борцов, только они вольниками были, в отличие от большинства дзюдоистов. Они были из одной какой-то глухой деревни, и были не разлей вода, всегда вместе двигались. А внешне абсолютно разными. Один высокий и долговязый, а второй маленький и очень плотный, квадратный, я бы сказал – куб, если бы не конечности. Даже не знаю, как их зовут, потому что они друг друга всегда называли Земами. И так пошло, что все их стали так называть, а, чтобы отличать их, стали квадратного называть Сема, а длинного Зема.

– Крепят их мусора, до сих пор, – ответил Фил, – У меня алиби железное, сразу отпустили. Нам повезло, у Захара день рождения был, мы в Праге отмечали, народу много было. Земы тоже были, но они отъезжали куда-то, не помню, может, на часик. Кто-то показания дал, официантки поди, вот на них мусора и гонят. Да отпустят, скоро трое суток истекут, не нароют ничего и нагонят. Тебя то тоже, небось, сильно помуржили?

– Да нет, но, если бы Семеныч не помог, пресанули бы по полной.

– Семеныч человек, в ответ кивнул он, – Давай выпьем, а потом в Торнадо двинем.

Фил сказал пацанам вернуть молодых, которых выгнал, чтобы за руль сели, позвонил Павловскому администратору в Торнадо, чтобы приготовили столы в VIP-зоне. Потом, как выпили, махнул головой мне, – Пойдем, поговорим, – и направился в свой кабинет. Как зашли, он закрыл дверь на замок, залез на стул ногами, отодвинул один квадрат в подвесном потолке и достал оттуда маленький пакетик с белым порошком. Затем достал небольшое зеркало у шкафа, насыпал туда немного и стал растирать карточкой. Я уже видел такую картину, здесь же. Но тогда еще были Земы и Хохол. Хохол не стал тогда нюхать, и мне сказал: – Не вздумай.

– Давай коксу вмажем, – сказал Фил, нарисовав на зеркале две дорожки из порошка.

– Не, не буду, – помотал я головой.

– Да ладно ты, это ж не героин, на него не подсядешь. Повеселеешь только, да протрезвешь, наоборот, настроение поднимется.

– Не Фил, не обижайся, я не буду, – упрямо покачал головой.

– Слушай, ладно, раньше Хохол тебе запрещал, я помню, но теперь то его нет. А у тебя своя голова на плечах, и не глупая.

– Вот, потому и не буду.

– Потому что запрещал или потому что голова? Ладно, дело твое, – Фил махнул на меня рукой и принялся за кокаин. Закончив, все убрал обратно и продолжил, – Погоди, не уходи, базар есть, шас схожу за стаканами.

Раз такое начало, я сел на диван, а Фил, заметно возбуждись, но забыв про стаканы, стал мерять шагами комнату: – У Хохла был партнер, кличут его «Дедом», ты знаешь его?

– Да, мы иногда встречались с ним, в Праге.

– Знаешь, как его найти?

– Нет, по ходу, мы только там, или в машине славливались. Хотя, двор, где он, кажется, живет, я знаю.

– Хоть так, ладно, потом порешаем как его найти, ехать пора, – Фил пошел отмыкать дверь.

– Фил, я может, не поеду, я же из КПЗ только, помыться надо, побриться, сам понимаешь.

– Нет, что ты? – замахал он руками, – Даже не обсуждается, пацаны завезут тебя домой, по дороге, помыться и собраться, только быстро.

7.

Торнадо.

Торнадо был самым успешным ночным клубом города. Если в других полные залы бывали только по праздникам или в выходные, то в Торнадо народ был всегда, а в выходной, если заранее стол не закажешь, останешься стоять. Огромный зал, посередине квадратом располагался танцпол, с одной стороны сцена, с танцовщицами, с трех других стояли столики. Наверху, над столиками, буквой «П» расположен балкон со столами. Это ВИП-зона, куда – либо за деньги, либо как мы – с карточкой от Павлова. Нас ждали три больших стола, уже с закусками и водкой.

– Я передумал, – сказал Фил официантке, – Убирай водку, тащи вискарь.

Столики внизу все уже были заняты, но народ все прибывал и прибывал. Я сидел рядом с Филом, когда прибежал Павлов. На вид ему лет под полтинник, среднего роста, русский такой, ничем не примечательный, лицом, немного смахивающим на мопса. Состояние свое он сколотил, удачно женившись на дочери бывшего главы города, во времена всеобщей приватизации. Все лакомые кусочки они тогда отхватили у города, рынок только не успели, со скандалом сняли тестя, судили за взятки, растрату, чуть не посадили. И вот он опять в погоне за самым лакомым куском. Сколько же ему надо, чтобы не подавиться?

Нет, он, конечно, не прибежал буквально. Пал Палыч степенно, с видом хозяина, поднялся на балкон, окинул взглядом, поднял брови, увидев нас, как будто не ожидал, подошел поздороваться, со всеми. Но я почему-то был уверен, он прибыл сюда, как только узнал, что мы здесь. Фил попросил пацанов подвинуться и посадил его рядом, по другую руку от себя. Громко играла музыка и участвовать в разговоре мне было неудобно, но по отдельным фразам я понимал, о чем идет речь, хоть и делал вид, что наблюдаю за танцующими.

Начал Павлов:

– Фил, дружище, объясни, что творится в нашем городе... убивают... народу полегло... сначала Игорь... умница... лучший друг, какой человек! ... Вспоминаю – плачу ... потом эти ... я все понимаю, но сколько народу! ... выйти страшно ... думаешь кто ... а я Ивану Карловичу не раз говорил... как быть ... одни мы с тобой остались... держаться вместе... я и ... Карловичу сказал, один Филип в городе человек остался ... дела делать ...

Потом Фил:

– ... собачья смерть ... будем решать... так будет со всеми ... будешь рядом ... ты их в одну яму не путай ... ты Хохла мертвого видел? ... Есть новости, потом поговорим.

Его мне было хуже слышно, да и неудобно уже было подслушивать, я встал и пошел к парапету. Отсюда весь зал был как на ладони, несколько минут я оглядывал барную стойку, танцпол, нарядных, танцующих девушек. Оглянулся, увидел, как Фил с Палычем уже полуобнявшись, выпивают и что-то горячо доказывают друг другу.

И тут, сверху я увидел, как в зал вошел Саид, в окружении пятерых, не знаю кого, по родственной линии. Он окинул взглядом зал, потом взором перешел на балкон. Когда взгляд дошел до меня, я махнул ему, он кивнул, коротко сказал своим что то, и показал на барную стойку. Они направились туда, а он ко мне.

Сначала Саид обошел наш стол, поздоровался со всеми, потом подошел ко мне, обнялись, здороваясь.

– Ты как? Давно не виделись.

– Да как сказать, Саид, хорошего мало, сам знаешь.

– Знаю.

– Пойдем, может, выпьем за встречу?

– Почему бы не выпить с хорошим человеком.

Мы прошли за наш огромный стол, нашли места с краю, выпили. Я предложил:

– Пацанов позови своих, что там возле барной стойки тусоваться...

– Да не, пусть телочек присмотрят, тут и присесть то некуда.

– Да, точняк, – я только сейчас обратил внимание, что народу набралось за столом человек двадцать, не меньше. Причем, я со своими 75 килограммами был, наверное, самый шуплый в этой компании.

– Сам как? Мусора не прессуют? – продолжил я.

– Прессуют конечно, такие дела в городе, как не прессовать. Меня – так, знают – понта нет, пацанов моих, в основном. Ничего, пусть закаляются.

– Знаешь что-нибудь? – решил я его опередить.

– Это ты у меня спрашиваешь? Знаю, завтра тепло будет, – улыбнулся он.

Я засмеялся, он тоже. Еще выпили. Он добавил:

– Еще я знаю, Хохла нету, плохо будет, уже началось. Кого убьют, а кого посадят. При нем по рынку решили бы как-нибудь, а теперь сам видишь. Давай помянем его, кстати, не виделись же еще с тех пор, – Саид налил нам, поднял свою стопку.

– Не буду, – Я помотал головой, – Я его не хоронил.

– Думаешь, он живой? – вкрадчиво спросил Саид.

Я покачал головой, – Хоронить его раньше времени я не буду.

– И то правда, – поставил он стопку обратно.

Я заметил, через стол, что Фил внимательно наблюдает за нами, а Павлов что-то быстро говорит ему прямо в ухо, иногда кивая головой в нашу сторону.

Некоторое время мы помолчали, потом Саид, видимо, поняв, что секреты кончились, не начавшись, поднялся, сказав, – Ладно, пойду погуляю, – направился вниз по лестнице, в общий зал. Я смотрел ему вслед и думал, а ведь я, сам того не подозревая, убрав блатных, расчистил ему дорогу к рынку. И что с того? Долю просить? Да ничего. Ладно, пьяные мысли, прогнал я их прочь, еще не известно, кому рынок достанется.

Появились Зема и Сема, слегка помятые, но довольные. У Семы синяки под обоими глазами. Фил позвал их к себе за стол, любезно распрощался с Павловым. Застолье приняло еще более веселый поворот. Я выпил тост за здоровье вновь прибывших и опять пошел к парапету. Там больше шансов не напиться. Подошел Фил:

– Ну что, как Саид?

Я пожал плечами, – Да никак.

– О чем говорили – то?

– Да ни о чем. Он пробивал, что я знаю, а я – что он думает. Он думает, война еще будет за рынок. А Пал Палыч как?

– Очкует. Боится, что следующий, под шкуру лезет.

– Правильно делает.

– Хорошо, потом решим, пойдем выпьем. Земы говорят, мусора за тебя сильно пробивали, смотри, осторожней.

– Понятное дело, я же без алиби, пойдем.

Еще выпили, и я почувствовал, пора домой, а то напьюсь. Обходить стол и прощаться со всеми, смысла не было, прощаться с одним Филом некрасиво, и я решил уйти по-английски.

Спустился вниз, нашел Саида: – Саид, скажи своим, пусть бросят меня домой, подустал, из кутузки сегодня.

– Конечно, пойдем, сам увезу.

Вышли на улицу, машина ждет, в ней еще двое. Всегда так, подумал я, Саид молодец, все просчитывает, машину без присмотра не оставит, всяко со стволами. Мы сели на заднее сиденье, по дороге болтали ни о чем. Когда приехали, Саид вышел попрощаться:

– Игорь, ты помнишь эту историю с Филом и братьями Махмудовыми?

– Да, конечно, помню.

– Они, с тех пор, ядом дышат на него. Я Хохлу говорил, он сказал – не трогать. Они не трогали. Хохла не стало, они опять ко мне, Хохла мол нет, мы его завалим. Что думаешь?

– А ты можешь их сдерживать?

– Могу.

– Сколько?

– Да не знаю, – пожал он плечами, – Пока жив.

– Долгих лет жизни тебе, Саид, – протянул я ему руку на прощание.

8.

Дед.

Несколько дней прошли спокойно, потом пришло сообщение на пейджер, от Семеныча: -Встретимся в Праге, в семь.

Когда я приехал, он уже ужинал в банкетке. Я еще ездил на девятке, хотя Крузак стоял рядом с домом на стоянке. Мне как-то неловко было на нем ездить, все смотрят, а я не хотел привлекать внимания.

– Выпьем? – предложил он мне, поздоровавшись.

– Не, я за рулем.

– Да ладно, по стопочке.

– Хорошо, по стопочке.

Графинчик уже стоял на столе. Выпили, он сразу перешел к делу:

– Слушай, ты так называемого «Деда» знаешь? У Хохла с ним дела были...

Опять дед, подумал я. Вспомнил Палыча, его острый взгляд из-под бровей. Что-то ты всем нужен.

– Видел пару раз, если это он, конечно, обычно здесь, – ответил я осторожно, на всякий случай.

– Найти его сможешь?

– Нет, пожалуй, Хохол с ним здесь всегда встречался, разговаривали без меня, больше я его не видел.

– Ладно, все равно всплывет, вопрос времени. Но я хочу, чтобы ты знал. Хохол построил с ним схему, нелегальную, но прибыльную. Дед работает на нашем обогатительном комбинате, при руднике. Договорился с некоторыми плавильщиками, с охраной, и все вместе они таскали оттуда отходы литья с производства платины и других драгов. Я им помогал, от начала и до конца. Естественно, имел долю, и делился с нею еще выше, – Семеныч показал пальцем в потолок, – Так что, если ты или Фил окажетесь в теме, вы должны сами прийти ко мне, а не я за вами бегать, ты меня понял?

Я кивнул, и для меня вдруг все стало ясно. Я понял, откуда у Игоря были деньги, не те копейки, которые мы обычно сшибали с коммерсантов, а настоящие деньги, на которые он купил два Крузака, и на которые он собирался участвовать в возне за рынок. А еще я вспомнил, как иногда провожал его на поезд до Москвы с двумя небольшими, но очень тяжелыми сумками. Еще чаще мы подвозили до вокзала Николая, директора нашего благотворительного фонда, одноклассника Игоря.

– И еще, – перебил мои мысли Семеныч, – Я думаю, что Хохла могли убить именно из-за этой темы. И ты мне должен помочь выяснить это. И не потому, что я мент и должен раскрыть преступление, а потому, что Игорь был мне другом, и я, что я, мы должны найти и похоронить его, как подобается. И отомстить. Если, конечно, кто-то уже не отомстил за нас, – и подмигнул мне.

Догадывается, очередной раз подумал я, догадывается и догадывается, ну и пусть, что теперь поделаешь. Я пожал плечами, и ответил вопросом на вопрос:

– Ты думаешь, это не из-за рынка?

– Не знаю. Но тот, кто развязал эту войну, если из-за рынка, наступил сам себе на хвост.

– Почему?

– Да потому, что на последнем заседании горсовета было принято решение приостановить приватизацию рынка, до выяснения обстоятельств этой бойни, чтобы, так сказать, не играть на руку преступникам. Кстати, Павлов лоббировал, он же в горсовете депутатствует, голоса скупает, если надо, оптом, подешевке.

– И как думаешь, надолго?

– Да пока не раскроют, наверное.

– А если не раскроют?

– Да хрен знает, эту власть не поймешь. Придет команда с Москвы, и все их решение коту под хвост. Или папа новый появится...

Говоря все это, Семеныч распалился, расстегнул ворот рубашки, налил сам себе полную стопку, быстро выпил. Немного успокоился:

– Извини, не предложил, ты же за рулем.

Я махнул рукой, мол, ладно. Немного помолчали. Семеныч доел свой ужин, откинулся на спинку дивана:

– А что, Фил тоже не знает «Деда»?

– Нет, он сам меня спрашивал о нем.

– Понятно, значит Хохол не доверял ему. Мой тебе совет Игорь, найди его вперед Фила, иначе окажешься не у дел. Брось меня домой.

Я довез Семеныча до дома, и тут-же поехал во двор, где мы с Хохлом встречались иногда с Палычем. Люди возвращались с работы, и я надеялся встретить его здесь. Но не дождался, решил караулить каждый день, утром и вечером, что-что, а времени у меня полно. Приехал на следующий день рано утром, когда люди начинают выходить на работу, прождал пару часов в машине, не увидел, потом весь вечер просидел, нету. А потом приехал Ушастик...

9. Ушастый.

Второй вечер, не поймав Палыча во дворе, я ехал домой на машине и размышлял, как найти его. Вдруг он переехал, может, в отпуске, уволился, или вышел на пенсию в конце концов, возраст подходящий. Или живет в соседних дворах, а здесь мы встречались из конспирации? Короче, вариантов много. Еще, я подумал было покараулить на входе на комбинат, но здесь дело обстояло еще хуже. Комбинат состоял из множества шахт, цехов, заводов, управлений, разбросанных по всей округе, градообразующее предприятие короче, проходных уйма, все не укараулишь.

И тут, в сумерках, я увидел до боли знакомый силуэт на лавочке у моего подъезда, и услышал звук своего бьющегося сердца. Хохол! Да не, Ушастик.

– Ты чего здесь? – спросил я, даже не поздоровавшись, махнул головой на дверь, – Заходи.

Только в подъезде мы поздоровались и молча направились домой.

– Ты чего приехал? – продолжил я уже дома, не скрывая раздражения, – Я же говорил, сиди тихо, пока все не уляжется, и я тебя не вызову. Случилось что?

– Да не, – Вова бухнулся в кресло, – Не выдержал я, каждый день как на иголках, гоню, думаю, что там и как, дай, думаю, сгоняю пронюхаю обстановку. Видит око, да зуб неймет, – как обычно вставил Вова пословицу, – Да ты не ругайся, скажешь свалить – я свалю, хоть сейчас, ей Богу.

– Куда ты на ночь, успокойся, – успокоился уже я сам, – Сиди, телек пощелкай, я за водкой да пельменями.

– Во, вот это дело. А то баснями сыт не будешь.

Когда выпили, да поели, я подробно рассказал Вове обо всем, что произошло после нашей последней встречи. По мере рассказа Вова заметно приободрился, а в конце вставил:

– Слушай, раз у тебя уже Крузак под жопой, девятку отдай мне, ты же обещал.

– Отдам, без базара, погоди только немного. Рано мне еще светиться на джипе. Да и Палыча нужно выследить где-то, а на Крузаке не реал, нужно неприметную тачку.

– Ладно, может, я тогда с тобой? Не могу уже без дела сидеть.

– Вова, ну куда ты все скачешь, вперед паровоза? Подожди немного, как ты там говоришь? Поспешешь – людей насмешишь? Сам подумай, будет Палыч при постороннем разговаривать? Меня бы не послал куда подальше.

– И то верно. Может у тебя пока поживу? Буду тихо сидеть, как мышка. Хоть, в курсах буду, что творится, советом может подмогну, одна голова хорошо, а две лучше, а?

– Ладно, живи пока, но на улицу ни ногой, в магазин даже, говори, что надо, принесу, а то у тебя рожа больно приметная.

Так и порешили пока действовать, пока деда не вычислим, а там видно будет. Пока, суть да дело, пришло сообщение на пейджер от Фила: «Куда пропал?». Но решили пока не отвечать, деда нужно найти, потом отмажемся. Но и надо было его успокоить, а то искать начнет. Ответил – «Пока на дне, скоро заеду».

Еще три дня я безрезультатно, утром и вечером, как на работу, ездил караулить деда, вставал в разных местах двора, особенно в том месте, где встречались вместе с Хохлом, толку нет. Тогда я выбрал один объект, где было оживленнее всего. Продуктовый ларек один был на всю округу, там я и решил его дожидаться.

Пока сидел в машине и смотрел на входящих и выходящих покупателей вспомнил, вдруг, детство, как мама часто ставила меня в очередь, если привозили дефицит какой-нибудь. Узнавали об этом, если замечали оживление у магазина или соседка зайдет, скажет, мол сгущенку привезли. Тогда мама, если работает или занята по хозяйству, приведет меня, поставит в очередь, даст денег на три банки, потому что больше в одни руки не давали и оставит меня изнывать. Одно утешение, что разрешит потом сварить одну. Магазин маленький, как этот ларек, всю очередь не вмещает, потому стоишь сначала на улице. Делать нечего, то есть буквально, только как переминаться с ноги на ногу, наблюдать и думать. Пытаешься догадаться, завидуя, что пацаны сейчас делают, играют в футбол или на озеро на великах погнались. Потом считаешь, сколько осталось до двери человек и думаешь, быстрее бы войти, а там и до прилавка недалеко. Но когда, наконец, попадаешь в магазин, нет там никакого прилавка, одни спины, бока и животы, гул женских голосов. Становится тесно и душно. Выходящие счастливые обладатели сгущенки выбирают путь протолкнуться на выход именно через тебя, где бы ты не стоял. Замечаешь, что в очереди стоят исключительно женщины и дети. Оно и понятно – мужчины или на работе, или толкаются и дерутся в другом, вино-водочном магазине. Это я потом узнал, когда вырос и попал уже в ту очередь. Замечаешь, что, как ни странно, ни одна женщина не стоит одна, все они неизбежно разбиваются по парам и болтают. Но если их оказывается нечетное количество, значит, где-то они стоят втроем. И вот, наконец, после долгих мучений, ты видишь прилавок и появляется хоть одно приятное занятие – считать сколько людей отделяют тебя от кассы. Казалось бы, твои мучения скоро закончатся, но не тут-то было, к твоим мукам прибавляется еще и негодование. Просто ты видишь, как очередной счастливец выбывает из оче-

реди, но твой счетчик не уменьшается, а иногда даже увеличивается. Просто, оказывается, чем ближе к кассе, тем больше появляется тех, кто, оказывается, занимал очередь, а ты еще очень, очень, бесконечно долго, стоишь на одном месте, видишь локоть, но не можешь укусить. А потом, в самом конце, еще слышишь над головой шокирующую тебя фразу женским голосом, – О, уже наша очередь, ничего как быстро.

Примерно так же я ждал появления Палыча, и дождался, когда увидел, как он зашел в ларек, подождал немного, и подошел к нему, когда он вышел:

– Палыч, привет!

– А, привет Игорь, – сказал Палыч, несколько не удивившись нашей встрече, – Ты на машине? Один?

– Да, один.

– Хорошо, поехали, свозишь меня в одно место, поговорим по дороге, ты же за этим здесь?

– Да, Палыч, от тебя ничего не утаишь.

– Я знал, что вы меня найдете, рано или поздно, – продолжил он уже в машине, – Поехали в торговый центр, ближайший. Я рад, что именно ты меня нашел. Ни с Филом, ни тем более с мусорами я дело не хочу иметь, можешь так им и передать, а если будут настаивать, свалю куда-нибудь, я уже подумывал об этом, когда Игоря не стало.

Я молча вез его, ждал, пока он говорит, видя, что он сразу к делу перешел, подумал только – конкретный мужик, приятно с такими общаться и дела иметь. Подъехали к торговому центру, он сказал подождать и ушел в него. Я сидел и думал, знает ли он что-нибудь про Хохла или нет, и стоит ли мне спросить или подождать. Что если Семеныч прав, и он тут каким-то боком? Решил, слово – серебро, а молчание – золото, буду помалкивать, пусть сам говорит, а там посмотрим.

Вышел Палыч, идя к машине, внимательно поглядывал по сторонам, прям Штирлиц, подумал я. Сел в машину, протянул мне коробочку, – На, новый пейджер, тебе, буду через него связь с тобой держать. Напишу, надо встретится, и время, а место ты знаешь, старое, в Праге. Будь всегда один. Раз – два в месяц буду отдавать тебе сумку, увезешь в Москву, телефон человека дам, отдашь сумку, переночуешь в гостинице, на следующий день получишь деньги, в долларах. 30 процентов мне, 30 – вам, 30 – Семенычу, знаешь его?

– Да, он спрашивал, как тебя найти, я не сказал, говорит вопрос времени.

– Понятно, предупреди, чтоб не искал. Так вот, 10 процентов остается, это семье Игоря, понятно? Не обсуждается. Настя беременна, я слышал, как она? Держится?

– Да вроде держится, еще не видел, слышал только, что видеть никого не хочет из нас, у Хохла родителей живет.

– Жаль ее.

– Нет слов.

– А ты родителей хорошо знаешь?

– Конечно, много раз был, только теперь не решаюсь заехать, все откладываю, а надо.

– Поехали, – решительно сказал Палыч, посмотрев на часы, – Сейчас заедем, еще не поздно. Настю проведаю, ее то я хорошо знаю, заодно с родителями познакомишь, коль Хохлу не довелось. Думаю, от меня Настя не будет бегать.

– Хорошо, – тронул я машину, – И мне не одному, полегче будет первый раз к ним заехать.

– И еще. Буду в гости заезжать к ним иногда, узнавать, сколько денег завезли. Доверяй, но проверяй. Без обид.

И родители, и Настя были дома. Я представил Палыча как старого Игоря друга. Тетя Зина сразу же побежала на кухню блины готовить, как бы мы не отказывались, но она слышать ничего не хотела.

– Кому мне теперь еще стряпать, – был ее последний и веский аргумент.

Дядя Вова был с Палычем одного примерно возраста и удивительно быстро нашли общий язык, особенно, когда дело зашло о рыбалке, сразу же договорились вместе рвануть. Поспорили даже, на чьем козырном месте они больше поймают.

Заодно и я поболтал с Настей, так, ни о чем, так как общих тем было не много, точнее не было совсем, а про Игоря все старались как-то не упоминать. Договорились в кино сходить как-нибудь, да поужинать, как раньше с Катей, подругой моей.

Потом, душевно так попили чаю с неизменно вкусными блинами, о чем мы с Палычем не преминули упомянуть. Тетя Зина просила нас почаще заезжать, а то разучится готовить.

На прощание, рыбаки условились, во сколько Палыч заедет за дядей Вовой в ближайшую субботу, звали меня, но я отказался, так как был не рыбак. А еще Палыч упомянул, что у нас с Игорем есть совместное предприятие, которое приносит неплохой доход, и пока оно работает, я буду завозить им его долю. Тетя Зина сильно смущалась и говорила, что Филип им и так хорошо помогает, но Палыч сказал, как отрезал, что денег лишних не бывает, жизнь длинная, а главное, что вы ждете Игоря наследника. На том и порешили, и я отвез Палыча домой.

Зайдя домой, я с порога почувствовал запах из кухни, там готовилось что-то вкусное, кажется борщ. Мама приехала, догадался я. Как они тут с Вовой встретились, интересно? Он же мог напугать ее своей физиономией, она могла еще за вора его принять, надо было предупредить родителей. Но, пройдя на кухню, я встретил только Вову, орудывающего у плиты с кастрюлей и сковородкой.

– Борщ варю, – встретил он меня деловито.

– Я догадался, где мясо взял?

– В магазине, тут, за углом.

– Я же говорил тебе не выходить на улицу пока.

– Да ладно ты, я аккуратненько, дождался сумерек, капюшон накинул, никто и не глянул на меня.

– Ага, особенно продавщица, – съязвил я, – Ладно, у меня хорошие новости.

– Да ну, – приободрился Вова и присел на стул, – Рассказывай.

Я подробно рассказал о моей встрече с Палычем. Он слушал очень довольный, иногда подскакивал помешать свое варево.

– Классно, – просиял он в конце, – А можно, я в Москву буду гонять, мне же как раз делать нечего. А доля наша только же наша, на двоих будем делить?

– Нет, – помотал я головой, – Эту тему Фил знает, и рассчитывает на это бабло. С ним надо будет делиться, и возьмет он долю не малую, хорошо, если половину.

– А за что, ему? Он же ничего не сделал. Мы с тобой блатных решили, ты Палыча нашел, договорился, он каким боком?

– У него сейчас самая сильная бригада в городе, а кто мы? Просто два человека.

– Так, давай решим его, просто покажи мне, где он живет, я сам все сделаю.

– Вова, да успокойся ты, хватит, решили уже. На улицу и так нос не суем, ждем, когда все успокоится. Не будет Филя, будет другой, всех валить в городе будем? Пока вдвоем не останемся? Фил нормальный пацан, лучше с ним дела иметь, чем с отморозками какими-нибудь.

– Ну, смотри, тебе видней.

Посидели, помолчали, каждый думал о своем, наконец Вова поднялся, – Готово, давай по стопочке, под борщ.

Два следующих дня мы просто сидели дома, ели борщ и готовились к разговору с Филом. Точнее, я просто валялся на диване, смотрел в потолок и думал, а Вова подкидывал мне иногда какие-нибудь дурацкие идеи, а я их отметал. Пришло очередное сообщение от Филя, спрашивал, куда я пропал, я ответил, что завтра буду и решительно сказал Вове, – Завтра утром поедем в офис в Поколение, вместе.

10.Офис.

Утром пришли с Вовой на стоянку за машиной. Он подошел к девятке, но я прошел мимо.

– Ты куда? – удивился он.

– На Крузере поедем.

– О, классно, – обрадовался Вова.

Сев в машину, я внимательно осмотрел салон, потянул ноздрями воздух – ни следа...

– Хорошо сделали, – подумал я вслух, – Здесь все в крови было, и в дырках.

А про себя подумал, все равно продать придется, жаль, но не смогу я на ней ездить. Или Филу вернуть? Посмотрим.

Вова был в полном восторге от машины, всю дорогу пока мы ехали, он удивлялся ее мощи, плавности хода, шикарным салоном. Неудивительно, решил я, раз до этого он лучше Нивы ничего не видел. А может, ему ее отдать? Попозже, если будет достойно себя вести? Посмотрим, почему бы и нет.

Когда подъехали к офису, я внушительно сказал Вова, – Давай договоримся, говорю я, ты слушаешь, в базар не встревай, слушай, фильтруй, запоминай кого как зовут, у тебя сейчас нормальный авторитет, не разбазарь его по беспонту. Понял?

Вова посерьезнел, кивнул, – Понял.

– Все. Пошли.

Часов десять утра, к этому времени все обычно собираются в офисе, народу много, как я и думал, все свои. Слышно, как кубики катаются по нардам и шары стучат на бильярде. Я пошел, как всегда, по часовой стрелке, здороваться со всеми за руку, Вова за мной следом, – Володя, – представлялся он каждому, пожимая руку. Дверь к Филу была открыта, там – он, Земы, Питон, еще несколько, основных. Направились туда, – Это Вова, – представил я всем Вову, входя.

– А, тот самый, – широко улыбнулся Фил, – Добро пожаловать, очень рад, наслышан, наслышан.

– Кузьма, – обратился он уже к одному из молодых, – Иди погуляй, и дверь закрой.

– Ты где пропал так долго, Игореха? – начал Фил, крепко пожимая мне руку, – Мы уж и волноваться начали, вдруг менты закрыли, или еще чего, такая ситуация в городе, врагов полно. Я уж и пацанов к твоему дому отправлял посмотреть, да нет говорят, вроде все равно, свет горит, машина на стоянке.

– Ты же сам сказал, будь осторожнее, вот я и гасился пока дома.

– Правильно, береженого Бог бережет, Игореха на что осторожный был, и то...

Присели, повисла неудобная пауза, все присматривались к Вова.

– Эко, как тебя помотало по жизни, что случилось? Не расскажешь? – продолжил Фил, обращаясь к Вова, улыбаясь.

– Да так, в армии обгорел, ничего страшного, за одного битого двух небитых дают, – улыбнулся в ответ Вова, – Повезло еще, Игорь со мной был, могло быть хуже, – кивнул он в мою сторону.

– Армия – хорошая школа, – кивнул Фил, – Я бы тоже прошел, кабы менты отпустили. И из этих никто не служил, – мотнул он головой в сторону остальных, – Мажутся, слушай пацаны, может, в армию вас всех отправить? Стрелять хоть там научат, да приказы выполнять не обсуждая, – пошутил Фил, подмигивая мне.

– Я-то служил, – вставил Питон.

– И из чего там тебя стрелять научили? Из пальца? Из Калаша хоть стрелял?

– Не-а, я ж в спорт роте, – промямлил Питон, уже жалея, что влез в разговор.

– На хрен мне твоя спорт рота, вас тут таких полно, с поломанными ушами, посмотри вокруг, а толку? А вот Хохол в разведке служил, вот это я понимаю, из всех видов оружия умел шмалять. А вы где? – обратился уже ко мне Фил.

– В танковых.

– Тоже неплохо, значит из пушки стрелять умеете, может пригодится, – опять подмигнул мне Фил.

– Стрелять – это к Вове, я-то только командовать, командиром танка был, а он стрелок-наводчик, – поддержал я шуточный тон.

– Ну командовать тут очередь целая, – продолжил Фил, – Занимай за Питоном.

Все дружно посмеялись, и я продолжил, уже серьезно:

– Фил есть новости, неплохие для нас.

– Новости я люблю, главное хорошие.

– Мы с Вовой Деда выпасли и добазарились работать вместе.

– Отлично, – просиял Фил, – Правда, я бы все равно его нашел, наводки уже были, но рад, очень рад, чем раньше – тем лучше. Когда встретимся, побазарим?

Тянет на себя одеяло, подумал я, хочет принизить мою роль, надо парировать, – Дело в том, Фил, что он не хочет никого видеть, сказал, что будет разговаривать только со мной.

– Ну, это не ему решать с кем и каким тоном ему базарить, как скажем – так и будет. Еще один главнокомандующий нашелся, пусть за вами занимает, – Фил стал жестким, хоть и последняя фраза была шуткой.

Тарапытца нэ нада, – пошутил я фразой из известного фильма, – Тут подумать надо серьезно, он свалить может, одной ногой на лыжах уже стоял, когда с Хохлом случилось.

Фил задумался, все молчали, я тоже решил не уговаривать и не торопить его, не глупый, сам допрет. Он при пацанах всегда показывает кто здесь главный, а наедине его можно уговорить поступать разумно. И разговор о долях нужно наедине решать, иначе не уступит ни пяди...

– Ладно, – улыбнулся он, – Новости все равно хорошие, поехали в кабак, отметим, да и за знакомство с Вовой жажду выпить.

– Вот это дело, – выразил Сема общее мнение, и все довольные направились на выход.

– Баснями сыт не будешь, – добавил Вова вставая.

– Это точно, – сказал Фил проходя мимо него и дружелюбно похлопывая по плечу, громко крикнул, проходя через офис, – По машинам! На Прагу! Танкисты вперед!

Пацаны весело загудели, когда на улице увидели два Крузера рядом.

– Снова вместе, – отметил Фил, – Как сделали?

– Хорошо сделали, ни следа, – ответил я, направляясь за руль, но передумал, бросил ключи Вове, – На, прокатись.

11. Прага.

В Праге было пусто, рано еще для посетителей, зато нас много, сдвинули столы, официантки забегали. Вову Фил посадил рядом с собой, я сел напротив. Заказали шашлыки и водку. Выпили, закусили, я решил, что пора, пока не много выпили, и Фил не настроился на боевой лад, – Фил, поговорить надо.

Фил показал головой на банкетку, – Пойдем.

Я махнул Вове головой, чтобы шел следом.

– Фил, дед выдвинул нам ряд условий, – сразу начал я, когда мы втроем расселись в банкетке.

– Игорь, неправильную ты ведешь с ним политику, – сразу перебил меня Фил, – Это мы должны ставить ему условия.

– Фил, нельзя на него давить, я же говорю, сбежит он и все, останемся у разбитого корыта, ты выслушай сначала.

– Ладно, говори.

– Короче, речь о долях. Он дает нам 30 процентов, себе берет 30, еще 30 мы должны отдавать Семенычу, он там дальше делится, а оставшиеся 10 семье Хохла, с Настей вместе, сам знаешь она беременна.

– Семье 10 – это понятно, не обсуждается, – после небольшой паузы ответил Фил, – Но мы должны иметь 50, пусть они там 40 делят, как хотят, с мусорами. Вот наш ответ Чемберлену.

– Фил, не стоит жадничать, дед всю работу делает сам, нам вообще никакой мороки, раз в месяц, хорошо, если два, взять сумку, увезти в Москву, получить бабло и поделить, делов-то. Не стоит рисковать потерять такую халяву, а вдруг дед не согласится, пойдет на принцип, например, свалит куда-нибудь, я же говорил, он лыжи наострил. Бабла, я думаю, сколотил уже, на Канары может себе позволить улететь на пенсию.

– Жадность фраера погубит, – вставил Вова очередную поговорку, не подумав, а видимо, чтобы тоже поучаствовать в разговоре.

– Ты это о чем, – вспыхнул Фил, встал и двинулся на Вову, видимо, чтобы сразу раз и навсегда поставить его на место, – Ты кого это фраером назвал?

Вова тоже встал и сделал шаг навстречу с угрожающей, и без того страшной физиономией. Я быстро вскочил между ними, отталкивая обоих руками, – Э, вы чего, пацаны? Фил, да ты не понял его, у него манера такая, поговорки везде вставлял, бывает и невпопад.

– А, ну раз так, – охотно успокоился Фил, – Поговорки я люблю, ладно, проехали.

Все расселись по местам, но напряжение в воздухе осталось. Я был зол на Вову, зачем влез в разговор, Фил уже готов был согласиться под тяжестью моих доводов, а теперь хрен его знает. Упрется как баран, а ведь еще нашу долю нужно с ним поделить как-то, а после этого что нам светит? Дырка от бублика? Зная упрямство Вовы конфликт был неизбежен.

– Вы же знаете, я не один, с пацанами посоветоваться нужно, – непринужденно протянул Фил.

Все он уже знает, подумал я, не хочет заднюю давать именно сейчас, а еще намекает, что их много, и всех нужно кормить. Зря я взял Вову на этот разговор, все испортил. Ну да ладно, я решил самое время доставать козырь из рукава, о котором думал все последние дни.

– Ладно, Фил, с дедом мы решим как-нибудь, никуда не денется, я надеюсь, у нас к тебе более важный разговор.

– Да ну, уже интересно, – подался вперед Фил, видимо думая, что же может быть интереснее дела с дедом.

– Посмотри на Вову внимательно, он тебе никого не напоминает?

– Да ты что? У меня отродясь таких знакомых не было.

– А голос? Фигура? Походка? Вова пройдишь пожалуйста, скажи что-нибудь...

– Да ну, что я вам клоун, спектакли играть, – Вова смутился немного, но все-таки встал, театрально закинул голову назад, стал ходить по кабинету смешно разводя по очереди руки в разные стороны и монотонно произнося: – Мой дядя, самых честных правил, когда не в шутку занемог...

Мы просто покатались со смеху.

– Ну Вова, артист, – сквозь смех продолжил Фил, – Но так и не пойму, куда вы клоните.

– Да ты посмотри, – сказал я, просмеявшись, а Вова уже уселся обратно, заметно довольный, что так остроумно разрядил обстановку, – Он же вылитый Хохол – по голосу, рост, осанка, не такой здоровый, конечно, но в остальном...

– Ну-ка, ну-ка, – Фил аж вскочил, сложил руки на груди, а правой взял за подбородок, приняв позу мыслителя, – Точно! А я-то думаю, вон оно что... Теперь я понимаю куда ты клонишь. Выдать его за Хохла? Ну и ну, а что? Дерзко, даже очень, а потому интересно, – заходил он по комнате, – Тут думать надо, хорошо думать надо, а смысл? – он остановился и уставился на меня.

– Смысл один и самый главный – найти убийцу, – сказал я и замолчал, давая ему время допереть до всего самому.

– А, ну да, поплывет кто-нибудь, на лыжи встанет, все возможно... Но есть еще другой момент – срубить со всех бабло, за рынок, типа отступные, да и вообще, коммерсы опять к нам потянутся вопросы решать, как раньше, а то, как Хохла не стало – в офисе вообще тухляк, никто тем не тянет.

– Да, Фил, плюсов много, но нужно быть очень аккуратными. Смотри – пустим слух, что на Хохла было покушение. Дело было так: Стреляли, ранили, думали, что убили, облили бензином, подожгли и слиняли. Он выжил, обгорел, долго лечился в Германии, естественно похудел, а мы все держали в тайне. Сейчас он вернулся, жаждет мести, никому не доверяет и видеть никого не хочет. Покажем, случайно, кому-нибудь из знакомых его издалека, чтобы слухам доверяли, и все, сидим на жопе, смотрим что будет.

– Да мы сейчас уже можем пацанов наших зарядить, сядем бухать за возвращение Хохла с того света, как будто Вова – это Хохол, официантки охренеют, а завтра уже весь город знать будет.

– Да ну, так сразу? Тут все обдумать надо как следует, Вове приготовиться, манеры Хохла перенять.

– Да нормально у него все с манерами, я и так вижу – вылитый Хохол, обгоревший. Как говорил Наполеон Бонифатич – нужно сначала ввязаться в бой, а потом разбираться что к чему.

– А что? – неожиданно, для самого себя, быстро согласился я, – Вова, ты готов? Справишься?

– А что тут сложного? – пожал плечами Володя, – Я так понял, сегодня только – наливай да пей, справлюсь, дело не хитрое, тут я мастер.

– Подожди-ка, – вдруг вспомнил я, – Фил, а родители, Настя, как быть с ними?

– Я к ним завтра с утра заеду, все объясню, для общего дела надо, поймут, я так думаю. Хочешь, вместе все поедим?

Я кивнул, но подумал, что лучше без Вовы, лишний раз про Игоря напоминать...

– А теперь – самая трудная часть, – улыбнулся Фил, – Втолковать все спортсменам.

И это не оказалось шуткой. Фил пригласил всех в банкетку, даже стоя, яблоку не было где упасть. А потом, очень долго и нудно, отвечая на кучу вопросов, Фил втолковал им наш план. Особое внимание он уделил вопросам секретности – что ни брат, ни сват, ни любимая девушка, а жена тем более, ни должны знать о том, что Хохол не настоящий. Я предложил всем вести себя так, как будто на мнимого Хохла готовится новое покушение и ходить за ним минимум вчетвером – впятером, даже в туалет, нет, особенно в туалет. А, так же, даже при всех своих называть его Игорем, чтобы привыкнуть, как теперь его зовут, а не спалиться где-нибудь на людях.

Потом все вернулись в зал, а Фил, взяв тост, долго и громко предлагал выпить за здоровье Хохла, вернувшегося с того света. Я обратил внимание, как официантки, две молоденькие девушки, хорошо знакомые мне, быстро затараторили в коридоре, ведущим на кухню. Я подумал, что они ведь прямо сейчас могут позвонить кому-нибудь из знакомых, и этот кто-нибудь прилетит удостовериться. Я поделился опасениями с Филом. Он сказал, пускай, близко к Хохлу никого не подпустим, а потом подумал, и сказал официантке, чтобы закрыла ресторан на спецобслуживание, что она и сделала без лишних вопросов. Тут я подумал – а вдруг менты приедут принять Лжехохла, дабы выяснить обстоятельства его покушения, но тут-же отмел. Эти девочки хоть и молодые, но не так глупы, чтобы сообщать в милицию, мы же сразу вычислим, кто это сделал. А слухи о нашей жестокости обгоняли нас со скоростью спорткара.

Тут одна из официанток, Надя, насколько я помню, подошла близко к Володе, а Фил, резко встав, грубо остановил ее рукой, – Что надо? – грозно спросил он.

– Тарелочку забрать, – испуганно пролепетала она.

– На, – протянул он ей грязную Вовину тарелку, – К нему не подходи.

– Вот так надо, все поняли? – назидательно произнес он на весь стол, как только она испуганно удалась. Борцы понимающе закивали.

Немного выпив, Фил негромко предложил Вове попробовать кокаина. И, не смотря, на то, что я отчаянно показывал ему глазами, что не нужно этого делать и даже пнул под столом, он согласился, и они ушли на некоторое время в банкетку. Два Земы и Питон составили им компанию, меня уже не звали даже, знали, что откажусь. Вернулись заметно возбужденные и принялись еще выпивать.

Все равно, сидеть долго не стали, как-то не гулялось. Все были напряжены, и волей-неволей задумывались о нашей новой жизни. С большими предосторожностями, окружив нового Хохла, посадили его в машину, и покатавшись по городу, чтобы убедиться, что нет хвоста, поехали в офис, но уже тесной компанией, Питон и Семы с нами.

В офисе они продолжили употребление кокаина и виски, я же ворчал на них, что не время бухать, когда взвалили на себя такую ношу, а Вове нельзя жить у меня, мой адрес всем известен. Тогда Фил отправил пацанов снять квартиру, а когда они вернулись с ключами, они засобирались к нему на новоселье. Я же отказался, сказав, что поеду домой, посмотрю, как быстро разлетаются слухи, может припрется кто. Договорились все вопросы оставить на утро, утро вечера мудренее, как обычно, вставил Вова, слегка пошатываясь, но быстро вживаясь в роль босса.

Приехав домой, я просто лег на диван, не включая свет, и начал думать. Родители и Настя все поймут, я надеюсь, и смогут не проболтаться. Меня мучал другой вопрос – как быть с Саидом, Дедом и Семенычем – Святая троица... Все такие разные, к каждому нужен свой подход. Прятать долго от них Хохла не получится, никто из них не поверит, что он не хочет их видеть. Получается – нужно их поставить в курс. Но их слишком много. О том, что знают двое – знают все. Информация всяко просочится, пусть случайно, через близких и родных, но уйдет. Значит, если все им рассказать, действовать нужно быстро. А как действовать, если план был – ждать и смотреть, как поведут себя другие? А самое главное, во что я не верил, но нельзя это скидывать со счетов – вдруг, кто-то из них замешан?! Получается, даже с ними, нужно играть эту игру до конца. Но они слишком хорошо знали Хохла, чтобы не узнать его, как ни крути, даже сильно обгоревшим. Да и Павлов и все наши прикрученные бизнесмены тоже очень хорошо знали Игоря, втюхать им Вову – занятие очень рискованное; хотя их можно просто не допускать близко к нему, так, издалека пусть посмотрят, например, где-нибудь в Торнадо, где темно и ничего не слышно, могут даже перекинуться парой слов. Кстати, Саиду и Павлову очень удобно показать его в Торнадо, голос у него все равно похож, а там еще и музыка орет, должно проканать. Главное – не давать ему с Саидом пойти поговорить наедине, а он наверняка захочет. Жаль, деда и Семеныча не заманить в Торнадо – не те люди... Значит, нужно найти такое место, где темно и плохо слышно. Но где? Они в Праге любили встречаться и менять привычное место уже подозрительно. С самого начала не должно быть ничего подозрительного, иначе не получится. Так я и уснул, ничего не решив.

12. Сон.

А ночью я видел сон. Интересный такой, как кино. Я, обычно, много вижу снов и всегда забываю, так как они накладываются один на другой, но этот запомнил. Короче, снится мне, что я внедрен в бригаду каких-то пацанов; ну как внедрен – они думают, что я их друг, а я знаю, что они враги и их всех надо перевалить. Так вот, бухаем мы с ними в какой-то большой хате, девушки с нами какие-то, и все засыпаем, напившись, кто где, вповалку. Я встаю, рано утром, начинаю осматриваться. Все спят, оружия всякого валом, везде валяется, девушки спят среди парней, короче бедлам. Я беру ствол, пистолет какой-то, и начинаю будить девчонок по очереди, бужу, показываю пальцем – молчи, мол, показываю ствол, чтобы испугалась, и показываю

на дверь, чтобы валила. Выгнал всех баб, теперь стал думать – как мне их всех убить, чтобы никто не сбежал. Короче, долго думал. Зал, пустой, в него выходят три спальни, там человек по пять, и один выход из зала. Выбираю дальнюю спальню, с нее начну стрелять, потом выйду в зал, за спиной будут все мертвы, значит, никто сзади не набросится. А остальным, чтобы выйти из квартиры, путь лежит через зал; они, услышав выстрелы и увидев меня с автоматом побегут на выход, через зал, тут-то я их и положу из калаша в спину. Как словом – так и делом, все так и произошло. Перестрелял всех по плану, благо, патронов хватило. Бросил автомат, подобрал помповое ружье, без приклада, покороче. Затем, выхожу на улицу, уже светло, бабушки сидят на лавочке. Я, пряча помповое ружье в плаще, стараюсь незаметно пересечь двор, но сзади меня кто-то окликает: – Стой! Я поворачиваюсь и вижу, как один из выживших поднимает на меня автомат и начинает стрелять длинной очередью. Пули свистят у головы, но ни одна не попадает. С калаша-то нельзя длинными очередями, ствол задирает. Тогда я достаю ружье и парой выстрелов укладываю его на месте, затем бросаю ружье и бегу в ближайшие гаражи. Затем мне снится, что я – на железнодорожном вокзале, укрываюсь в толпе, думаю над тем, как мне сбежать из этого города, где меня все ищут, милиция и местные бандиты. На такси, думаю, опасно, на посту могут остановить, на выезде из города. На ближайший поезд тоже не решаюсь, могут проверять вагоны перед отправлением. Думаю, отсидеться день в зале ожидания. Первый ажиотаж и план-перехват пройдет, потом сяду, скорей всего на поезд, или придумаю еще что-нибудь. Захожу в зал ожидания, вижу два входа и выхода, выбираю место, чтобы было их хорошо видно и сажусь где-то посередине. Думаю, если зайдут менты проверять документы, наверняка, с одной стороны, а не с двух сразу, тогда я потихоньку улизну в другой выход.

Тут я проснулся, удивился, какой интересный сон я видел, а главное – как много мыслей было в нем, прокрутил его в голове, чтобы хорошо запомнить. Удивился, что где-то я, по моему, уже это видел. Включил телевизор, дождался местных новостей – пока ничего интересного, поехал в офис.

14. Насыщенное утро.

В офисе было полно народу, я это понял еще по машинам, как только подъехал. Причем, много было тех, кого я не видел с момента покушения. Значит, весь город уже знает, нужно срочно ехать к родителям. Поздоровавшись со всеми, я обнаружил, что нет ни Фила, ни обоих Зем, ни Питона. Все уставились на меня, ожидая объяснений, но я предпочел смыться, пусть Фил потом отдувается, и поехал к родителям Хохла, они не должны узнать это от посторонних людей. Уходя, сказал Роме Баеву, по кличке Бай, – Бай, про Хохла никому ничего не говорить, Фил приедет, пусть сам все растолкает. Скажи всем потихоньку, тупите короче.

Что-что, а тупить они умеют...

У родителей застал только отца. Оказалось, тетя Зина с Настей уехали в Таиланд. Подобрали денег, что смогли, от Игоря что-то осталось, и улетели, никому особо не сказав, в надежде, что Насте там будет лучше, ничего не будет напоминать ей о Игоре. Иногда звонят, говорят – все хорошо, плавают в море, кушают морепродукты, экзотичные фрукты, о каких даже не слышали, все очень дешево, даже не ожидали. А еще, оказалось, что там очень хорошая медицина, и они хотели бы там рожать, если хватит денег. Я попросил им передать, что мы найдем такие деньги, сколько бы это ни стоило, пусть не экономят. Дальше, я рассказал дяде Воле о нашем плане по возвращению Лжехохла и о той пользе, какую мы стараемся извлечь из этого, включая деньги, которые им теперь понадобятся. Как я и ожидал, дядя Вова только руками развел – надо, так надо, вам видней. Еще он рассказал, что вчера вечером, оказывается, кто-то приходил к нему домой и начал было спрашивать его про Игоря, но он и разговаривать не стал, а просто закрыл дверь перед ними, похожи на корреспондентов. Я ответил, что он очень правильно сделал и впредь, это будет лучшая линия поведения. Еще немного поболтали, оказалось, Палыч не обманул насчет рыбалки, и они очень даже хорошо провели там

время. Добыли неплохой улов, а главное – дед пожертвовал немаленькую сумму на Таиланд, как только узнал. Еще он очень одобрил их выбор, так как сам отдыхал там не раз, и даже посоветовал в каком районе можно недорого, но качественно пожить. Так же, дед проболтался, что сам подумывает уехать туда на пенсию, что оказалось очень важной информацией для меня.

Тепло расставшись с дядей Вовой, я поехал в офис, в надежде, что Фил уже разрулил там ситуацию и народу будет поменьше, особенно посторонних, и обстановка будет более рабочая, тем более, что из вопросов сложился целый Эверест. Но ни тут-то было. Я почувствовал себя птицей, вернувшейся в гнездо к куче голодных птенцов, так все на меня набросились, пытаюсь задавать вопросы, а народу стало еще больше. Я понял, что Филом здесь и не пахло и сделал вид, что вернулся в кабинет за какими-нибудь бумагами и быстро упорхнул, как та птица, но зацепив когтями одного из тех парней, которые сняли вчера квартиру для Жженого, мать его Хохла. Так я был зол на него за вчерашнее пьянство и кокаин. Но это оказались лишь цветочки моей ярости...

– Андрей, ты на машине? – спросил я этого бугая, наверняка абсолютной весовой категории, спускаясь по лестнице.

– Да, Игореха, -пробасил он, – Хорошо, что ты меня забрал, замучили вопросами, репортеры даже были.

– Да? И что сказал?

– Я? Да ни хрена не сказал.

– Молодец, вези на эту хату, что вчера сняли. Только, сначала в другую сторону, покругим по дворам.

– Конечно.

Долго звонили и стучали в дверь. Наконец, кто-то посмотрел в глазок, но не открыл, а удалился. Пошел у Фила спросить, догадался я. Дверь открыл Сема, и даже не поздоровавшись, в трусах, поплелся обратно спать. А когда я прошелся по комнатам, то просто охренел. По комнатам, как в том сне, ну не так много, но все же, валялись какие-то незнакомые девушки и хорошо знакомые парни. Но все равно, как во сне, я хотел их всех убить. Но этих я хотел убить не спящими, а сначала посмотреть им в глаза и поорать, чтобы сначала оглохли. Но, прежде чем на них орать, нужно было убрать свидетелей. Не буквально, конечно, хотя... Короче, начал я как в том сне, ходить, будить баб и выгонять, только без ствола, конечно. Управившись, начал, наконец, орать на них, переходя из комнаты в комнату, но толку было мало, они только глубже закутывались под подушки и одеяла. Ничего не добившись, кроме выброса эмоций, я сказал Андрею, – Увези меня домой, мне теперь тоже на все насрать, пусть делают, что хотят, – и громко хлопнул дверью.

Только по дороге домой, немного успокоившись, я сказал Андрею, – Скажи пацанам, в офисе, пусть расходятся, лучше по домам, нигде не светятся сегодня, а завтра в все как обычно. А сейчас, всех выгони и закрой офис. А машина моя пусть там стоит.

– Хорошо.

А вот за что их уважаю – так это за немногословность.

15.Разговоры.

Дома, я как тигр по клетке, стал ходить по залу. Это же надо было так обосраться в первый же день?! Я тут голову ломаю, как быть с такими Людьми как Саид, Семеныч и Дед, а они уже телок вызвали! Мне даже страшно представить, о чем там они при них разговаривали?! В таком-то состоянии! Надо было закрыть их всех в квартире с этими телками и сказать, – Отсюда выйдут только Мужчины!

И тут пришло сообщение на пейджер от Семеныча: через два часа в Праге.

Час от часу не легче, началось...

Ну конечно, от кого же еще? Эти бухают, а мне отдуваться. Я надеялся, мы вместе выработаем какую-то стратегию. Что я сейчас ему скажу? Извини, Семеныч, Хохлу не до тебя, он два дня бухал и трахался, а теперь болеет с похмелья? Кстати, болеет, а что, если я скажу, что он серьезно болен, лежит в больнице. Стреляли же в него, имеет право поболеть. Хотя, зачем приехал, если не долечился в Германии? Да и Семеныч сразу поедет в любую больницу, чтобы поговорить с ним. Да и видели его уже пьющим за свое здоровье в ресторане. Так пил за здоровье, что заболел? А что, так бывает, особенно с похмелья. Значит ему резко стало хуже и лежит он не в больнице, в целях безопасности, а на каком-нибудь охраняемом объекте, и без сознания, говорить не может. Значит, инфаркт? Или инсульт, что там еще бывает с сердцем у людей? Хоть, он и слишком молодой для таких страшных диагнозов, но на фоне перенесенного... Инсульт звучит более молодежно, хотя разницы я не знал между ними. С доктором бы поговорить каким, со специалистом, но некогда уже, надо ехать, может попозже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.